ЛЕСНОЙ ХОЗЯИН

Р. Л. ТОАЛСОН

Р. Л. Тоалсон
Лесной хозяин
Серия «Фэнтези для подростков»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61139381
Лесной хозяин: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-112345-1

Аннотация

Весь мир Леноры переворачивается с ног на голову, и она вынуждена отправиться жить к чудаковатому родственнику – дяде Ричарду. Тот живёт в богатом поместье. Дядя вечно занят и лишь запрещает племяннице ходить в лес – больше из него и слова не вытянешь. Очень скоро одиночество и печаль по прошлому приводят девочку именно туда, куда ей не велят ходить, – к загадочной чаще. Таинственный зов открывает Леноре чудесное царство волшебства и радости под сенью леса, где она даже встречает друга – удивительное существо под названием «скорламандра». Здесь так здорово, что Ленора могла бы остаться тут навсегда… Вот только как быть с дядей – не может же она бросить его? И почему весь дом дяди Ричарда наполнен тайнами, а сам он так печален? Похоже, Леноре предстоит сделать непростой выбор, чтобы снова обрести место, которое можно назвать домом.

Содержание

День, когда мир взорвался	7
1	8
2	16
3	22
4	27
5	33
6	38
Замковое поместье, Накодочес	46
7	47
8	55
9	62
10	69
11	75
12	81
13	87
14	93
15	101
Вопросы, сплошные вопросы	105
16	106
17	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Р. Л. Тоалсон
Лесной хозяин

Вам, Эвелин и Джейн, – огня, мужества и стойкости. И помните, что вас любят.
– Р. Л. Т.

R. L. Toalson
The Woods

* * *

This edition published by arrangement with The Deborah Harris Agency and Synopsis Literary Agency
Copyright © R.L. Toalson, 2019
© Родина А.Ф., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

* * *

Вначале был он.

Всего лишь как бесплотный образ, но был. Он витал над лесом, и лес волновался при его приближении: деревья кланялись, словно перед монархом, из земли рождались чудеса, и с треском творились волшебные

заклинания. Всё это принадлежало ему. Но ему хотелось разделить это с кем-то.

Слишком чудесным, слишком полным магии и радостных прелестей был его лес, чтобы владеть таким богатством одному.

И первым, кто увидел лес и те чудеса, что наполняли его, был ребёнок.

16 апреля 1947 г.

«Когда наталкиваешься на великие научные открытия (или, напротив, на совершенно антинаучные аномалии), самое сложное – держать их при себе. Стоит, однако, обмолвиться – о, как хорошо мне знакомы последствия! Всё знаю наперёд – и как будут искоса посматривать, и о чём будут шептаться, и как лишат в одночасье всех прежних заслуг, чтобы сжечь их на алтаре „сумасшествия“. Будь рядом брат, они бы, может, и прислушались. Но я всего лишь учёный. А нормальный учёный не может заявлять таких вещей, какими я их потчую. Нормальный учёный не мог видеть того, что видел я.

Я не сумасшедший и никогда им не был – я только пристально наблюдал и неустанно искал ответы на загадочные вопросы, объяснения вещам необъяснимым. В этом скоро все убедятся.

Армия почти готова. Осталось внести кое-какие поправки – работы самое большее на месяц, и дело моей жизни будет доведено до конца.

А как только оно будет доведено до конца, я найду

сына. Я уничтожу лес и всё, что в нём скрывается. И тогда Замку и всему нашему роду больше ничто не будет угрожать. Никогда. Как я и обещал матери».

Из «Дневника о проделанной научной работе» Ричарда Коула

День, когда мир взорвался

1

16 апреля 1947 года с самого утра предвещало стать худшим днём вовеки, хотя для Леноры оно только начиналось.

У них в семье бывают такие дни, когда родители позволяют либо Леноре, либо её сестре Рори, либо их брату Джону, либо другому брату, Чарльзу, пропустить школу; остальные идут учиться, как обычно. Мама с папой говорят, что если всё время только и делать, что трудиться, то такой труд – ни уму, ни сердцу. К тому же они считают, что каждому ребёнку нужно порой проводить время отдельно с родителями. Такие прогулы они называют Весёлым днём – название не то чтобы очень оригинальное, зато практичное, как всё, что обычно делают мама с папой. Когда кто-то удостаивается чести не ходить в школу по случаю Весёлого дня, родители чаще всего ведут счастливчика в театр неподалёку на какой-нибудь дневной спектакль, или в кафе-мороженое на углу, или ещё могут сводить в городской порт. Там стоят корабли, которые пришли к ним в Техас-Сити из самых разных стран с самыми разными грузами на борту, так что рассматривать их, а иногда, если повезёт, то и подниматься на палубу, – любимое занятие Леноры.

Сегодня у неё день рождения. Весёлый день полагается ей по праву.

Но с утра оказалось, что у Джона с Чарльзом сильный кашель, и Рори, которая всегда делает всё как все, тоже принялась кашлять. Получалось у неё совсем не так, как у братьев, которых буквально трясло при каждом покашливании, но хитренькая Рори нашла способ убедить маму, что тоже больна, и мама разрешила им всем остаться дома. Точнее,

всем, кроме Леноры, которая больной не была и притворяться не собиралась.

Ленора не любит враньё.

Вот так и получилось, что, хотя сегодня у неё день рождения, она вынуждена куковать в стареньком здании Дэнфортской школы, и сейчас сидит на втором этаже, куда каждое утро в восемь сгоняют всех шестиклассников на планёрку.

Ленору душит обида.

Перед глазами стоит картинка: мама кивает ей на клубнично-красный «Шевроле» у дома. За большим бежевым рулём сидит папа, он выглядывает в окно машины в сторону порта, где над каким-то судном только что пальнуло вверх тоненьким облачком желтоватого дыма.

Ленора пробовала возражать: всё-таки у неё день рождения как-никак; но мама сказала, что её Весёлый день они перенесут на другой раз, и поспешно подтолкнула её к выходу со словами:

– Дочуня, папа уже ждёт.

Сев в машину, Ленора обернулась назад, на окна их аккуратного беленького домика. Из-за голубых занавесок в окне первого этажа выглядывала Рори, она показывала Леноре язык. Всю дорогу до школы Ленору просто распирало от злости, и злость никуда не делась, даже когда отец проводил её до красных школьных дверей, поцеловал в лоб и сказал:

– Извини, что в твой день рождения пришлось отправить тебя в школу, лапочка, но постарайся, несмотря ни на что,

сегодня не расстраиваться, ладно? Люблю тебя.

По правде говоря, от его слов стало только хуже.

Она ничего ему не ответила, чтобы показать, как уже расстроена. За такое ей полагалось бы два Весёлых дня.

В тёплом сыром воздухе портового городка трудно дышать. Ленора повернулась и, не глядя назад, стала взбираться по бетонным ступенькам школьного крыльца.

Теперь она сидит на жёстком деревянном стуле, слитом с партой. Задумчиво рисует простым карандашом линии на бумаге. Урок пока не начался.

Большинство её одноклассников, как всегда, пока не пришла миссис Истер, не хлопнула в ладоши и не велела всем занять свои места, толпятся у ленты классных окон. На фоне яркого света, который струится внутрь, их фигурки совсем тёмные, и Леноре трудно разобрать, кто есть кто. Все громко галдят, обсуждая то самое облачко жёлтого дыма, на которое Леноре указал папа по дороге в школу. Все говорят, какое красивое. А Ленора не может понять, как можно хоть в чём-то находить красоту в такой отвратительный день.

Внезапно у неё скрутило живот, и она погладила себя по плечам.

– Ленора, иди сюда, смотри, какой красивый дым! – крикнула ей Эмма, лучшая подруга. Даже не поздравила с днём рождения. Вместо дыма Ленора принялась разглядывать Эмму: миленькое белое платьице в голубой цветочек. Чёрные волосы спадают на рукава-фонарики. В волосах – голу-

бой бантик, сдвинутый вправо.

– Уже видела, – ответила Ленора, постаравшись смягчить ворчливый тон, но в голосе всё равно прозвучала досада.

– А сейчас он ещё красивее, – сказала Эмма и потянула Ленору с места. И Ленора не стала сопротивляться. Она тоже подошла к окнам.

Теперь даже миссис Истер стояла у окна и вместе со всеми рассматривала разноцветные облака дыма, заодно проверяя учеников: чем они могут объяснить появление той или иной окраски. У Леноры снова свело живот. Пожалуй, дым над портом – не самая безмятежная картина. Пару дней назад папа как-то упомянул, что некоторые корабли в порту нагружены горючими веществами. Как начальник городской пожарной дружины, он обязан постоянно оставаться начеку с момента прибытия таких кораблей.

А всё-таки дым и вправду красивый. Теперь он совсем густой, ярко-оранжевый. Ленора наклонила голову. Её оттолкнули, и она подалась назад, не отрывая взгляда от цветного облака. Внутри по-прежнему сидело какое-то противное ощущение, тревога. Но почему – Ленора и сама не могла бы объяснить.

Такого дыма она ещё никогда не видела. Он потихоньку окутывал всё вокруг, как туман. Может, подумалось Леноре, это гадкое чувство внутри оттого, что ей одной из всех детей Коулов не разрешили прогулять школу, хотя день рождения именно у неё. Рори, раз уж она на самом деле здорова, на-

верное, пойдёт вместе с папой в порт разузнать, от чего дым. Она сможет посмотреть на пожар.

Ленора тоже была не прочь посмотреть на пожар.

Одноклассники наперебой гадали, что же там горит. Большинство стояло за то, что загорелся какой-то корабль. Сейчас их в порту стоит несколько: пароход «Гранкан», огромное транспортное судно из Франции, «Хайфлайер», пришвартованный рядом с «Гранканом», и «Уилсон Б. Кин». Что за груз лежит на этих судах, папа не говорил.

Кто-то из класса высказал догадку, что, может быть, дым идёт от железнодорожной конторы, но Леноре показалось, что это полная чепуха. С чего бы железнодорожной конторе, которая стоит на своём месте уже столько лет – больше, чем самой Леноре, вдруг заняться огнём, да ещё пустить оранжевый дым? Раньше ничего такого у них в Техас-Сити не случалось, хотя местные газеты и прозвали город «крупнейшим промышленным центром южных штатов».

Как и все жители Техас-Сити, Ленора привыкла, что время от времени то там, то здесь случаются небольшие взрывы: всё-таки у них в городе два больших химических предприятия, «Юнион Карбайд» и «Монсанто». Но такого, чтобы облако дыма поднималось без всякого взрыва, прежде не было никогда. И никогда ещё дым не был таким красивым.

Живот Леноре скрутило сильнее.

Она вернулась к своему месту и села, подперев кулаком подбородок. Вот бы сейчас домой. Всё равно они ничего не

учат. Все только пялятся в окно и ищут подтверждения своим догадкам. Неужели было бы так ужасно, если бы ей разрешили остаться дома в её же день рождения?

Ленора разгладила складки на подоле платья. Платье новое – мама специально купила ко дню рождения, такое красивое, бирюзовое в белую клетку и с белоснежным воротничком. Воротники у Леноры держатся белыми недолго, и когда утром мама вынимала платье из изящной магазинной обёртки, то строго наказала Леноре: смотри, мол, не испачкайся. Платье дорогое, сказала мама. Но она выбрала его, потому что глаза у Леноры тоже зелёно-голубые, и маме показалось, что оно будет очень мило смотреться. Только пусть Ленора ей пообещает, что сегодня будет поаккуратнее с воротничком.

Под сложенным платьем в обёртке оказались новенькие туфли такого же бирюзового цвета из гладкой замши. На них был даже небольшой каблучок – Рори тут же обзавидовалась. Мама не разрешает носить каблуки до двенадцати лет, а Леноре как раз исполняется сегодня двенадцать.

Вспомнив завистливый взгляд Рори, Ленора улыбнулась. И тут же нахмурилась. Сейчас Рори дома.

– Ленора, зайка, – послышался голос миссис Истер, – ты в порядке?

– Мне что-то нехорошо, – ответила Ленора, и это была правда. Не то чтобы её тошнило, но ощущения в животе были не из приятных.

Миссис Истер отошла от окна, приблизилась к девочке и тыльной стороной ладони потрогала у неё лоб.

– Может, позвоним твоей маме?

И тут мир взорвался.

2

Сначала взорвались окна – миллионы осколков брызнули в стороны. Потом поднялся крик ужаса: это кричали ребята.

А потом наступила тишина, все Ленорины одноклассники, на кого ни глянь, повалились на пол. Дыхание спёрло. Миссис Истер, стоявшая прямо перед девочкой, отлетела в сторону лицом вперёд, как будто её что-то сильно толкнуло в спину.

Ленора вцепилась в парту и почувствовала, как невидимая волна отрывает её от сиденья. Она обвила ногой ножку стула. Миссис Истер упала на спину в нескольких метрах от девочки. Ленора увидела, что губы её шевелятся, но не могла разобрать, что она говорит. Учительница с трудом поднялась на ноги, кровь лилась у неё из рассечённой скулы и из раны на лбу. Она принялась яростно звать детей, чтобы они шли к ней, подальше от окна, но те были слишком ошарашены. Никто не слышал её, а может, не слушал, потому что все лежали на своих местах, кто на спине, кто на животе, а кто-то стоял как вкопанный, широко разинув рот и глаза.

Где-то вдалеке послышался хлопок, пол под ними снова тряхнуло, и один мальчик указал пальцем в сторону дальнего окна – стекло в нём уцелело, хотя и покрылось паутиной трещин. Ленора проследила взглядом туда, куда показывал мальчик.

Порт. Теперь его скрыла густая чёрная пелена дыма.

Это взорвался порт.

Папа.

Мама.

Рори.

Джон.

Чарльз.

Тишину прорвал слабый свист, и он же снова привёл мир в движение. Школьники волной ринулись к чернеющему выходу на лестницу, они толкались и пихались, спотыкались об упавших. Начался хаос, но он, должно быть, не шёл ни в какое сравнение с тем, что сейчас творилось в порту, окутанном чёрным дымом, – об этом Леноре страшно было даже подумать. Она тоже двинулась вслед за толпой, толкая других и пытаясь проскользнуть вперёд, но в узком коридоре между классами образовалась пробка – туда разом хлынули все, от дошкольников до шестиклассников, и толпа застряла, пока первые ряды не начали спускаться по лестнице. Ленора пыталась не поддаваться царившему беспорядку, но это было невозможно. В животе нещадно жгло. По лестнице она скорее скатилась кубарем, чем спустилась, но под конец ей удалось приземлиться на ноги.

Папа.

Мама.

Рори.

Джон.

Чарльз.

Их надо найти. Надо убедиться, что с ними всё в порядке.

Школа стояла в нескольких километрах от основных кварталов города, но Ленора всё равно пустилась бегом. Вокруг многих тошнило. Ей пришлось остановиться – её тоже вы-

рвало. Как только рвота прекратилась, она снова бросилась бежать в сторону города и сокрывшего его плаща-невидимки.

Её догнала волна криков и воплей. Звук с новой силой наполнил мир, и Ленора почти пожалела, что снова что-то слышит. Дети у школы выкрикивали слова, над которыми ей совсем не хотелось думать, вроде: «Там все умерли?», «Мы погибнем!» и «Взрывы уже закончились?»

Как и многие другие, Ленора пропустила эти крики и возгласы мимо ушей, она просто продолжала бежать. В груди болело, но она не останавливалась – она никогда и ни перед чем не останавливалась. А сейчас ей обязательно надо найти родных. Надо во что бы то ни стало убедиться, что они не пострадали от взрывов.

Запах дыма, серы, палёной древесины, металла и горелой плоти перекрыл дыхание, и оно превратилось в отрывистые вздохи. Где-то полыхал пожар, Ленора это чувствовала по запаху, хотя и не видела ещё огня.

Пожар папа обязательно остановит. Он всех спасёт. Он настоящий герой.

* * *

Когда Ленора достигла города, всё её тело ныло и почти не слушалось. В ногах горело, ступни ныли от дикой гонки, но остановиться сейчас она не могла. Ещё один взрыв потряс

землю, и свист усилился. Она услышала – и даже почувствовала – как огромные куски металла с лязгом и грохотом врезаются в цемент и в траву. Она сделала ещё шаг и наткнулась на босую ногу. Тела у ноги не было. В животе всё скрутило.

Сердце заколотилось.

Теперь она увидела. Она увидела, что ждало её в жилых кварталах, и от того, что она увидела, коленки у неё подогнулись, а перед глазами поплыло. Она оперлась руками в ноги, свесила голову и постаралась вспомнить, как надо дышать.

Всё вокруг устилали тела. Мёртвые тела. Части тел. Оторванная голова, глаза подняты к небу. Две ноги от разных тел, крестом друг на друге. Рука с кольцом на безымянном пальце.

А её родные?

Папа.

Мама.

Рори.

Джон.

Чарльз.

Они где? Ленора с усилием заставляла себя смотреть, вдыхать, бежать, осторожно переступая через тела людей, которых она не могла опознать из-за толстого слоя сажи сверху. Она ни разу не наклонилась вытереть эту сажу с чьего-нибудь лица. У неё не было на это времени.

Её родные – они должны быть живы. Здесь она их не найдёт.

Хлопки и затем шипение заставили её посмотреть налево. Это упали электрические столбы, и провода шлёпнулись на землю, пустив искры. Серный запах наполнил ноздри, проник в горло и стал нарастать. Ленора закашлялась. С правой стороны откуда-то сверху градом повалились куски древесины, отскочили от земли и осыпали труп, у которого ещё кровоточило из ушей и носа.

Ленора встала посреди этого хаоса и медленно обернулась. Она не знала, что делать, куда идти, где искать. Она не знала, как действовать, когда весь город в одночасье превратился в руины. Она не знала, как заставить свои лёгкие снова дышать.

И тогда её колени снова подогнулись, и всё вокруг стало чёрным.

3

Ленора очнулась в здании городского совета. Большие окна всюду полопались, так что вонь с улицы свободно прони-

кала внутрь. Сера, дым, запах чего-то вроде горелого мяса. Ленора зажала нос, но дышать ртом было не легче. Ей стало казаться, что она чувствует всё это на вкус.

Вокруг раздавались сдавленные голоса, и, приподнявшись на локте, Ленора увидела вокруг себя тела раненых, которые лежали прямо на полу в разных позах. У кого-то не хватало ног, у кого-то была забинтована голова. У одного была повязка на глазах, за ним лежала женщина с вывихнутой ногой.

Голова у Леноры закружилась.

– Самых тяжёлых надо отправить в Галвестон, в больницу имени Джона Сили, – послышался голос неподалёку. Ленора посмотрела в ту сторону и увидела седого мужчину, который склонился над женщиной с перевязанной грудной клеткой, подавшись вперёд всем телом и балансируя на самых носках. Рядом стояла высокая стройная девушка с короткими русыми кудрями и внимательно следила за его действиями. Она держала наготове планшет и карандаш. – Остальных заберём в Хьюстон, – продолжал седой. – С лёгкими ранениями можно оставить пока что здесь.

– А что с детьми, которые остались без родителей? – спросила девушка.

Мужчина откачнулся обратно на пятки и вздохнул.

– Пока не знаю, Ингрид, – сказал он. И уже более мягким тоном повторил: – Не знаю. – В его глазах была усталость. Он выпрямился. – Раненые продолжают поступать. – Он бросил взгляд на входные двери, через которые только

что, хромая, пробрался внутрь какой-то человек. Седовласый двинулся ему навстречу.

Ленора обвела глазами залу. Мама с папой должны быть где-то здесь. И Рори тоже, и Джон, и Чарльз. Она быстро встала, и мир вокруг завертелся, но тут же встал на место, разве только немного покосился. Она моргнула. Вблизи не было никого, кто бы походил на маму или папу, но зала была большая. Надо искать.

И Ленора принялась искать. Она смотрела везде и всюду, ходила между рядами, но никого из родных найти не могла. Несколько раз ей попадались ребята из школы, но она не заговаривала с ними – слишком было тяжело и страшно сейчас.

Когда она обходила зал в пятый раз, её остановила та девушка, которая разговаривала с седым мужчиной, Ингрид.

– Ты кого-то ищешь? – спросила она.

– Да, родителей. Они должны быть где-то здесь, – голос Леноры дрожал.

– Как твоя фамилия?

– Коул. Родителей звать Джон и Агнеса.

– Так ты Ленора, – сказала вдруг Ингрид. Это был не вопрос. Она пристально посмотрела на девочку, а затем опустила глаза на планшет, который держала в руках – список фамилий, заметила Ленора, причём рукописный. Ингрид пролистала несколько страниц, а затем снова посмотрела на Ленору грустными пепельно-серыми глазами. – Ни

Джона, ни Агнесы Коул у меня в списке нет. Но есть ещё один временный госпиталь, в Торговой палате. Может быть, они там. Хочешь, мы наведём справки? – Ингрид слегка улыбнулась девочке, одними губами.

– Я лучше сама схожу, – ответила Ленора. В сердце затеплилась надежда. Да. Они там. Все те, кого она любит.

Ленора уже повернулась идти, но на плечо легла рука Ингрид.

– Пациентам нельзя покидать здание, – произнесла она таким извиняющимся тоном, что глаза Леноры на мгновение застлала пелена, и пришлось моргнуть, чтобы картинка прояснилась. Но не доброта Ингрид так её тронула, напротив, по оправданию в её голосе стало понятно, что спорить тут бесполезно. Ленора всегда следовала правилам. А теперь ей поставили правило: здание не покидать.

– Но я же не ранена, – всё-таки попыталась она. Может, если правило нельзя нарушить, то его можно обойти.

Ингрид как-то неоднозначно пожала плечами и указала Леноре на строку в своём списке, хотя Леноре было ничего не разобрать.

– Тебя нашли без сознания, – сказала она. Ленора помотала головой. Какая разница? Ингрид закусила губу и добавила: – Доктор Спаркс настаивает на том, чтобы все пациенты оставались на местах. Так легче вести учёт. – Она снова улыбнулась, но на этот раз лицо её осветилось, хотя и едва заметно. – Спасатели сейчас прочёсывают местность в поис-

ках выживших. Доставляют их сюда и в Торговую палату, а мы записываем их имена и оповещаем родных. – Она откашлялась. – Для остальных находиться снаружи сейчас слишком опасно.

Ленора с силой сглотнула комок в горле. Итак, у правил были свои основания, и основания вполне разумные.

– Я просто хочу увидеть своих родных, – сказала она. – Убедиться, что они в порядке.

Взгляд Ингрид смягчился.

– Понимаю. О том, что здесь и в Торговой палате организованы госпитали, всем уже известно. Поэтому так важно, чтобы ты оставалась на месте – на случай, если родители тоже тебя ищут. – Она кивнула, как бы соглашаясь со своими собственными словами. – Понимаешь?

Ленора тоже кивнула.

– Я прямо сейчас пойду наведу о них справки, – сказала Ингрид.

Ленора опустилась в углу на корточки и приготовилась ждать. Родители придут за ней. Надо просто потерпеть.

4

Небо за окнами потемнело, и на город опустилась ночь, а Ингрид всё не возвращалась. Ленора спрашивала о ней у

доктора Спаркса, и тот сказал, что, скорее всего, её заняли работой по уходу за ранеными прямо там, в Торговой палате, но что она обязательно вернётся. Потому что она нужна здесь.

За это время на глазах у Леноры двое её одноклассников по Дэнфортской школе нашли своих родителей, и в её сердце зажглась зависть. А ещё четверо разразились рыданиями, когда им сказали, что их родители мертвы, и Ленора похолодела от страха.

Какая из этих участей ждёт её?

Что теперь будет с теми, чьи родители умерли? Никакой другой родни у Леноры не было, кроме разве что дяди по отцу, который был сумасшедшим и к тому же жил в Накодочесе – далековато от Техас-Сити. С этим дядей они не поддерживали связи уже много лет, и за члена семьи Ленора его не считала. И папа не считал.

Но они не могли умереть. Не может быть так, чтобы она осталась одна – это же просто невыносимо. Мама с папой часто подтрунивали над тем, как она терпеть не может оставаться одна или сидеть молча; очень кстати, говорили они, что Леноре довелось родиться третьей из четырёх детей.

Наконец вернулась Ингрид. Родных Леноры она не нашла.

– Похоже, нам стоит связаться с другими родственниками, – мягким, успокаивающим тоном произнесла Ингрид. Ленора закрыла глаза.

– Я могу проверить наш дом, – сказала она, не поднимая

век.

Ингрид молчала так долго, что Ленора снова открыла глаза и посмотрела на неё.

– Думаешь, они бы могли остаться дома, когда весь город вокруг горит и у них потерялся ребёнок?

Ленора и сама знала, что на этот вопрос ответа не требуется.

– Никаких других родных у меня нет, – сказала вместо этого она. Ей едва удалось выдавить эти слова сквозь ком, который застрял в горле.

Лицо Ингрид потемнело.

– Что делают с такими детьми вроде меня? – спросила Ленора.

Но Ингрид только плотно сжала губы и потрепала Ленору по плечу. Ничего не сказала. Отошла в другой конец залы, где стоял доктор Спаркс, и что-то шепнула ему на ухо. Тот посмотрел в сторону Леноры и, ссутулившись, пошёл к ней шаркающей походкой. Он выглядел очень усталым, но глаза, синие, как сапфиры, светились добротой.

Подойдя к Леноре, он присел рядом.

– Ингрид говорит, ты не можешь отыскать родителей, – сказал он.

– Но они точно придут. Я могу поискать их дома, если вы позволите мне отлучиться. – Ленора бросила взгляд в сторону выхода, и где-то внутри вспыхнул отчаянный порыв – туда, за двери.

– Спасатели обыскивают каждое устоявшее здание, – произнёс доктор Спаркс, – и даже обломки тех зданий, которые не устояли. – Вид у него был озабоченный.

– А мой обыскали?

Седой врач не ответил. Вместо этого он вдруг сказал:

– Твой отец был начальником пожарной дружины.

Кажется, он и сам был уверен в своих словах, но Ленора всё-таки кивнула. Он вздохнул, возвёл глаза кверху, а затем снова посмотрел на Ленору.

– В момент взрыва все члены пожарной дружины были у доков.

Кажется, он вкладывал в свои слова какой-то дополнительный смысл.

У Леноры перед глазами поползли чёрные пятна. Из горла рвался наружу крик, звериный, полный боли.

Папа.

– Мне очень жаль, – произнёс доктор Спаркс, – это самая ужасная катастрофа в истории штата.

– Он придёт, – тихо пробормотала Ленора. Но и сама не верила в это, и потому рассердилась. Следующие слова звучали уже настойчивее. – Он настоящий герой.

Спаркс ничего не ответил – только потрепал её по плечу.

Но если бы они умерли – она бы, наверное, знала? Она бы почувствовала. Значит, кто-то да жив. Кто-то обязан был остаться с ней, остаться ради неё. Кто-то же должен затевать с ней драки, красть её любимую одежду, бесить её за столом,

когда в шуме и кутерьме она пытается пообедать.

– Мне очень жаль, – повторил доктор Спаркс. Ленора вытерла щёки. – Я сообщу твоему дяде.

– Дяде? – переспросила Ленора. Она и не подозревала, что кто-то в Техас-Сити знает о её дяде Ричарде.

– Я знал твоего дядю по университету. Мы оба были истые учёные. Это нас вроде как объединяло. – Доктор улыбнулся. – Он хороший человек.

Ленора покачала головой. Ни за что. Она не поедет жить к дяде, которого совсем не знает. Хотя… разве у неё есть выбор?

– Пожалуйста, можно я поищу родителей? – В горле пересохло, но желание действовать только возросло. Если он ей не разрешит, она сама отправится на поиски. На этот раз пойдёт против правил. Эти правила никому не нужны. Злость только придала ей смелости.

Спаркс покачал головой.

– На улицах небезопасно. Ещё рушатся здания, опадают электропровода, трупы везде… – Он не закончил, видимо, вспомнив, что говорит с ребёнком. Но Ленора и так знала, что он хочет сказать. Она же видела. И того, что видела, никогда не забудет.

Она закрыла глаза, затем снова открыла.

– Мы делаем всё что можем, – сказал Спаркс.

– Тогда позвольте мне остаться здесь, – попросила Ленора. – Я подожду их тут.

– Сейчас для тебя самое лучшее место – это дом твоего дяди. У нас не так много запасов, чтобы как следует о тебе позаботиться. – Доктор бросил взгляд в сторону порта. – К тому же, кто знает, – может, будут новые взрывы.

Ленора снова сглотнула.

– Но я их ещё увижу?

Доктор Спаркс отвёл глаза в сторону.

– Если твои родные попали в число тех, кто находится без сознания и чьи имена мы не установили, то потом им гораздо проще будет найти тебя у дяди.

Вот и всё. Он поднялся – коленки хрустнули – и зашагал обратно в дальний конец залы.

Ленора оглядела своё праздничное платье. Кромка кое-где надорвана, на белом воротничке грязь и сажа. Новенькие чудесные туфли все в чёрной копоти.

Ленора свернулась на полу тугим калачиком и изо всех сил постаралась не заплакать.

5

На следующее утро в дверях здания городского совета показался высокий худой мужчина довольно странной наруж-

ности. Наружность эта была до того странной, что Ленора нехотя уставилась на него. В тёмно-русых космах серебрились седые пряди. Стрижен он был достаточно коротко, но спутанные волосы всё равно торчали в разные стороны, как будто расчёска к ним не притрагивалась уже много-много дней. На незнакомце был красный вельветовый пиджак, надетый на жилет потемнее, в тон волосам. Из-под жилета выглядывала накрахмаленная белоснежная рубашка. Из кармана броского пиджака торчали белый краешек носового платка и золотая цепочка. По тёмно-бурым брюкам бежали идеально отглаженные стрелочки, а на блестящих коричневых ботинках без единой царапинки не было и следа пыли или сажи. В целом вошедший имел вид преуспевающего коммерсанта из центра, только Ленора его почему-то не знала.

Левую ногу он немного подволакивал, и трость, зажатая в правой руке, уверенно отстукивала чёткий ритм. Стук – подтяжка. Стук – подтяжка. Так-к – вжух-х. Так-к – вжух-х. Постукивание трости разом наполнило гулкую залу, и люди повернули к вошедшему головы, следя за его передвижениями, которые, видимо, не имели твёрдой цели: казалось, ему просто хочется двигаться, идти хоть куда-нибудь.

Взгляд Леноры задержался на трости незнакомца, столь же необычной, как и её владелец. Ручка напоминала приклад старого папиного ружья – гладкое до блеска дерево, плавный контур, а сам корпус, серебристый и длинный, больше походил на ствол и к концу расширялся, образуя что-то вроде

основания, какое бывает у дымоходов в том месте, где они соединяются с крышей.

Необычный господин остановился посреди залы и вынул что-то из кармана пиджака. Это оказались карманные часы на той самой золотой цепочке.

Доктор Спаркс поспешно подошёл к господину и протянул ему руку, но незнакомец не пожал её сразу, а вначале уставился на неё, будто смешавшись. Когда он всё-таки сжал ладонь доктора, на лице его не было улыбки.

Ленора уже поняла, что это её дядя. Теперь она могла разглядеть семейное сходство, но только в общих чертах лица, не более.

Внутри всё сжалось в комочек.

Доктор Спаркс и дядя Ричард – если, конечно, она угадала – двинулись в её сторону. Никакой радости на лице дяди Ричарда не было. Тёмные брови низко нависли над карими глазами, а в глазах плескалось какое-то невнятное беспокойство – раздражение? Нетерпение? Или, может, удивление?

Доктор Спаркс положил Леноре руку на плечо и промолвил:

– Ленора, за тобой приехал дядя. Он заберёт тебя домой.

– Домой? – слово отдало горечью во рту.

Добрый огонёк в глазах врача дрогнул.

– Прости, Ленора, я только хотел сказать… – Он взглянул на дядю Ричарда, ища поддержки, но тот в упор рассматривал Ленору.

– Ты похожа на своего отца, – выпалил он. Голос его звучал резко, немного громковато, хотя в манере говорить слышалась нерешительность.

Ленора провела рукой по груди. Доктор Спаркс прочистил горло и продолжил:

– Ты поедешь с дядей к нему домой.

– Это только пока мама с папой не найдутся, – произнесла Ленора. Спаркс наклонил голову набок и внимательно вгляделся в неё. Он приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но Ленора не могла ему это позволить. – Как только они смогут, они меня заберут. – И она уверенно посмотрела на дядю Ричарда.

Уголки его губ немного поникли, но в целом выражение лица почти не изменилось.

– Пойдём со мной, – только и сказал он ей и развернулся на пятках.

– Пока, Ленора, – произнёс напоследок доктор.

Ленора не ответила. Она всё ещё злилась, что ей не позволили остаться здесь, по крайней мере до тех пор, пока не будет ясно, что хоть кто-нибудь из её родных жив. Конечно, мама бы обязательно сделала ей замечание, мол, это невежливо – молчать, когда с тобой прощаются, но сейчас Леноре всё равно.

Она потянулась за дядей Ричардом, который, прихрамывая, направился к зияющему выходу – двери сорвало взрывной волной.

– Родители меня обязательно заберут, – не удержавшись, выпалила Ленора ему в спину. – Я к вам совсем ненадолго.

Дядя Ричард не потрудился ответить, и это ещё больше распалило Ленору. Ярость обуревала её изнутри, загорелась в груди, загорелась в глазах, обожгла язык и вырвалась наружу горькими словами.

– Вот увидите, – бросила она.

Никакого ответа.

Это молчание её просто убивало.

6

На улице, прямо напротив выхода из здания городского совета, стоял весьма необычный автомобиль. Цвета он был

не чёрного, и не красного, и даже не синего – словом, не такого, в какой были окрашены автомобили, колесившие по главным улицам Техас-Сити, едва наступал вечер пятницы, нет; автомобиль перед зданием был совершенно медный, как будто собственно никакой краски на нём и не было. Колёса представляли собой нечто среднее между обычными автомобильными и теми, что стоят на паровозах, их было восемь с этой стороны и, надо полагать, восемь с той.

Таких автомобилей Ленора не видала ещё никогда. Это что, осколок далёкого прошлого или привет из будущего? Голова у Леноры пошла кругом.

Наверное, это просто сон.

Ей бросилось в глаза что-то на земле, неподалёку от дядиной машины. Кажется, жемчужные бусы.

Жемчужные бусы носила мама.

Ленора не стала рассуждать. Метнулась к вещице. Бусы покрывал толстый слой чёрной пыли, но едва Ленора отёрла пару жемчужин, она сразу узнала тот самый бледно-кремовый оттенок, в точности как у маминых бус. Ленора огляделась в поисках знакомого лица. В лёгких нестерпимо жгло.

Дядя Ричард кашлянул, оглянувшись, Ленора встретилась с ним взглядом. Она поспешно пихнула бусы в карман.

– Это мамины, – пробормотала она, хотя дядя ничего не спросил.

Дядя Ричард задрал подбородок, сузил глаза – единственный намёк на то, что он вообще её слышал, – и произнёс:

– Садись.

Вопреки ожиданиям Леноры, сам он сел не за руль, а на заднее сиденье. Зато рядом с девочкой вдруг возник крупный мужчина, высокий и мускулистый, одетый в опрятный чёрный костюм со светло-жёлтым галстуком-бабочкой. Тёмные волосы зализаны назад, бурая кожа на щеках лоснится, чёрные усы завиты на кончиках. Верзила слегка поклонился, открыл Леноре переднюю дверь и сказал:

– Рад сопровождать вас в наше поместье, мисс. Давненько нас никто не навещал.

– Я ненадолго, – ответила Ленора. Ей почему-то показалось необходимым это уточнить; вид у детины был такой воодушевлённый, что Леноре сразу захотелось его осадить – пусть не думает, будто она к ним насовсем переезжает.

Если бы только она могла, она бы оживила их усилием воли – всех: родителей, братьев, сестру. Ленора взглянула в сторону своего дома – он находился на этой же улице, совсем недалеко. Отсюда виднелась его крыша.

Дом стоял.

А что, если они там, внутри? Может, они забыли про неё, или думают, что она погибла, или не могут выбраться наружу?

В голове завихрился рой мыслей, волнение пробежало по всему телу и, докатившись до ног, превратилось в зажатые пружинки. Но не успела она рвануть с места, как загадочный дядин спутник обхватил её своими крепкими, уверен-

ными руками. От него пахло бергамотовым маслом, такое мама втирала папе в ступни на ночь после тех смен, когда ему приходилось особенно долго задерживаться в порту на обходе новоприбывших кораблей.

Верзила опустил глаза и кивнул в сторону машины, дверь которой он успел заранее открыть.

– Подождите, – вдруг остановил их дядя Ричард, хотя Ленора уже почти забралась внутрь. Он указал на место рядом с собой и проговорил: – Садись сюда, за Ллойдом.

Ленора на мгновение застыла, уставившись на дядю, но затем послушно перешла на другую сторону и опустилась на указанное место. Ллойд тоже несколько помедлил, с недоумением глядя на мистера Коула, прежде чем подойти и закрыть за Ленорой дверь. Наконец он занял своё место за рулём.

– Хотелось бы добраться до темноты, – произнёс дядя Ричард.

Ллойд кивнул его отражению в зеркале.

Машина завелась, огласив площадь громогласным рёвом, – странно, что Ленора не услышала его раньше, когда они подъезжали. Должно быть, её слишком отвлекло прибытие новой группы раненых, их доставили в совет сегодня утром. Большинство оказалось в критическом состоянии, и их немедленно перенаправили в больницы поблизости. Ни мамы, ни папы, ни Рори или Джона с Чарльзом среди них не оказалось.

Машина дёрнулась с места.

– Уверен, Замковое поместье придётся вам по душе, мисс, – сказал Ллойд.

Оказаться невежей второй раз за день Леноре не хотелось, так что она кивнула. О том, что надолго оставаться не собирается, она уже говорила – так какой же смысл повторять?

Ллойд быстро оглянулся.

– Ллойд, – тут же упрекнул его дядя Ричард. То, что это именно упрёк, Ленора уловила сразу. Она вопросительно взглянула на дядю. Ллойд усердно уставился на дорогу.

Дядя неподвижно сидел на своём месте. Правой рукой он так вцепился в ручку двери, что костяшки пальцев побелели. Леноре уже начинало казаться, что в этом человеке вообще нет ничего, что нельзя назвать странным.

Они покидали единственный город на земле, который Ленора знала. С каждой секундой всё больше удалялись от того, во что он превратился за считаные дни, а заодно от того, чем были наполнены годы – все годы короткой жизни Леноры – и что связывало её с Рори, Джоном, Чарльзом, с мамой и папой. Ленора закрыла глаза. Она повидала достаточно разрушений. Больше она не хотела видеть ни обвалившихся внутрь домов, ни перевёрнутых машин, ни слоёв грязи и копоти. Она прислонилась головой к окну. От мелкой тряски зачесался нос, она хотела почесать, но не успела поднять руку. Она заснула.

И был дух его силён и власть велика, как и при жизни

– той самой обыденной жизни, когда мог он ещё трогать и осязать, мог разговаривать и разговором своим вымогать, вымогать самое ценное практически ничем, кроме как разговором. Так оно всегда и начиналось: с разговора, который перерастал в фальшивую дружбу, а уж дружбой приобретал он великие достояния, точнее, лишал всякого достояния других. Иные говорили, он так изощрён по части кражи, что крадёт жизнь, он же говорил, что, напротив, лишь обнажает лучшее в жизни, прежде сокрытое под ворохом нажитого.

Его повесили как преступника в этом самом лесу.

18 апреля 1947 г.

«Работа, которую планировал сегодня сделать, откладывается. Сейчас еду домой из Техас-Сити, где случилась ужасная катастрофа, потребовавшая моего вмешательства. Рядом со мной в машине спит моя племянница. Пишу в дневник, чтобы отвлечься от тряски и непременных рисков дальней дороги, хотя ничего рационального сказать по этому поводу решительно не могу.

Зовут Ленора. Сегодня впервые её увидел.

Потеря встревожила её до глубины души, чего и следовало ожидать. Она хочет верить – тоже вполне предсказуемая реакция сознания, – что её родные ещё живы. Я видел город, тела, оторванные конечности. Дом брата ещё стоит, и даже не тронут разрушительной силой, которая вычистила всё вокруг, но я был там – ждал на крыльце, пока Ллойд обыскивал комнаты. Ни

единого тела он не нашёл. Дом пуст.

От пристани, где и произошёл первый взрыв (пожалуй, аккуратнее будет выразиться, что он произошёл на стоявших у пристани судах), почти ничего не осталось. По всей видимости, все, кто находился вблизи порта, – а таковых было немало (один мой старый коллега, доктор Спаркс, рассказал мне про дым: он был поначалу очень красивый и многие потянулись в порт на него посмотреть), – тоже уничтожены.

Полагаю, брат и его семья, кроме Леноры (кстати, почему?), должны быть среди них.

Сознавать это невыносимо, по крайней мере, сейчас. Почему жизнь всегда полна столь жестоких потерь? За что вынуждены мы терпеть эти несчастья? Почему солнце ещё не потухло?

Если бы только брат остался в Замке… Если бы я поверил ему тогда, много лет назад… Если бы я не ждал все эти годы, а рассказал бы ему о своих открытиях раньше, о том, как изменились мои убеждения, о том, что я намерен разбить Проклятие Замка…

Что ж, многое, очень многое пошло бы совсем не так. Мы бы вместе боролись против тьмы. Возможно, сын был бы ещё со мной. И брат был бы жив.

Плохой это спутник – сожаление.

А теперь у меня на руках его дочь. Ему бы это не понравилось, потому-то он тогда и уехал – не хотел воспитывать детей в Замке, так и сказал. Слишком близко лес. Слишком опасно. С учётом того, сколько

детей уже пропало.

Как же мне жаль, что и сам не уехал, не оставил этот старинный особняк и всё поместье на волю того, что там живёт в лесу. Но тогда кто бы разбил Проклятие?

Не представляю, как растить дочь. Я не создан быть отцом, события прошлого это доказали. Боюсь, как бы на сей раз моё неведение не привело нас обоих – и меня, и Ленору – к полному краху.

И потом, на мне вечно висит эта работа по части леса – её нужно сделать. А какой тягой он обладает в детских глазах! Джон и сам испытал её когда-то: он чувствовал могущество леса, хотя и не мог тогда до конца это осознать. Он пытался рассказать мне, умолял применить мои аналитические способности и найти какое-то логическое решение, но я не стал его слушать. Не поверил, пока мой собственный сын…

Надо ускорить работу. Трудно сказать, сколько времени лес отвёл нам с Ленорой, сколько нам удастся пожить спокойно».

Из «Дневника о проделанной научной работе» Ричарда Коула

Замковое поместье, Накодочес

7

Машина качнулась и встала.
– Приехали.

Голос донёсся до неё сквозь завесу дрёмы. Ленора открыла глаза, ничего не соображая и не помня, где она. Со своего водительского места к ней повернулся Ллойд:

– Отсюда открывается самый милый вид на поместье, ваш новый дом, мисс, и я подумал, вам понравится, – сказал он, махнув рукой в окно.

– Это не мой новый дом, – ответила Ленора и сама удивилась, как резко прозвучали её слова.

Ллойд кашлянул. Она совсем не хотела снова показаться невежливой, но как-то же надо до них донести. Она здесь ненадолго.

Дядя Ричард издал неопределённый звук, вроде рыка. Ленора тут же испугалась, что могла рассердить его своим грубым поведением. Отец всегда учил их, что самое главное – соблюдать хорошие манеры. И сейчас он бы её не похвалил.

Но дядя Ричард на самом деле спал и вряд ли слышал её резкое заявление. В руках у него еле держалась большая тетрадь, а на самом краешке тетради качался карандаш.

Ленора повернулась к окну, за которым виднелся особняк. Такого большого и красивого дома она никогда прежде не видела. Собственно, целиком она не видела его и сейчас, так как с обеих сторон от мощённой булыжником дорожки, ведущей от улицы к парадному крыльцу, выстроились пышные деревья, которые скрывали из виду края здания. Ветви деревьев тянулись друг к другу через дорожку, словно руки, образуя изящный арочный навес. На крыльце у парадно-

го входа Ленора насчитала восемь белых колонн, по бокам высились две башенки, причём именно с кровлей домиком и рядом одинаковых мелких окошек – ну точно как на картинке! – а к входным дверям вели шесть массивных ступеней. Второй этаж обвивала лента балкона, а все восемь узких окон, что выходили на эту сторону, обрамляли тёмно-зелёные ставни, сейчас широко распахнутые.

Какой же он, наверное, роскошный внутри, этот домина, подумалось Леноре. Точнее, как там они его называют? Особняк.

– В особняке двадцать шесть спален, – произнёс Ллойд.

– И во всех кто-то спит? – не удержалась Ленора. С того момента, как она научилась говорить, из неё сыпались вопросы, и любопытство было частью её натуры. Маму это иногда раздражало, а вот папа её вопросы любил. Или, по крайней мере, говорил, что любит.

– Нет, только в двух, – ответил Ллойд.

Во всём огромном доме только два человека? Должно быть, скука смертная. Да и одиноко наверняка. У Леноры пересохло в горле. Что ж, ничего. Она всё равно ненадолго.

– А вы тоже здесь живёте? – спросила она у Ллойда.

– Нет-нет, – поспешил ответить тот. – Я живу в городке. Приезжаю только когда нужно отвезти куда-нибудь вашего дядю. – Тут он понизил голос: – Сам-то он не очень любит водить.

И опять Леноре показалось это странным – как и всё, что

она уже успела узнать о своём дяде, теперь любопытство тянуло её сразу в две разные стороны. Она решила вернуться к первой.

– Так кто же здесь живёт?

– Ваш дядя, разумеется. И миссис Джонс.

– А это кто?

– Кухарка.

– В этом особняке есть отдельная кухарка? – Ленора уставилась на Ллойда.

– Да. – Он снова понизил голос: – И отменная. Отличные торты умеет делать. Попросите её сделать клубничный… пока вы у нас.

Ленора вдруг вспомнила, что так и не отметила свой день рождения как полагается, с тортом. Мама как раз собиралась сделать клубничный тем самым вечером, и они должны были его съесть все вместе за ужином в тот день, когда случился взрыв.

День рождения. Теперь её день рождения навсегда связан со взрывом. Перед глазами помутнело.

Голос Ллойда сказал:

– Полагаю, миссис Джонс приготовила что-нибудь к вашему приезду. Хотя обеденное время уже прошло.

Нормального обеда Ленора не видела уже несколько дней. В животе было пусто, совсем как в жизни после этого взрыва. Что это – боль от трагедии или просто голод? Ей уже трудно было бы определить разницу.

– Я никогда не жила в доме с кухаркой, – призналась Ленора еле слышно.

– Моя жена просто мечтает об этом, – сказал Ллойд. Они встретились взглядами в зеркале автомобиля. Его глаза сияли.

– Должно быть, дядя Ричард очень богатый, – предположила Ленора.

Ллойд снова кашлянул.

– Э-м, да, мисс. – Он повёл шеей, оттянул воротник. – Ваш дядя – выдающийся человек. И дом принадлежит семье Коулов уже несколько столетий.

– Вот этот, Замковый особняк?

– Ваш отец, разумеется, вам об этом рассказывал. – Ллойд снова взглянул на неё в зеркальце. – Он сам здесь вырос.

Не рассказывал. Папа никогда ничего не рассказывал ни о дяде Ричарде, ни о Замковом поместье, ни тем более об особняке. Всё, что ей было известно, – что у папы есть брат. Об этом брате папа не вспоминал с теплотой – скорее, напротив, в те редкие случаи, что он называл имя брата, его лицо темнело, хмурилось, а порой Ленора замечала слёзы у него в глазах.

Ленора обернулась на дядю. На вид он не был таким уж плохим, каким, наверное, его считал отец. Как будто просто спящий человек, просто папин брат. Морщины вокруг глаз разгладились, и в его лице вдруг явственно проступили папины черты.

– Почему папа никогда ничего мне не рассказывал? – спросила вслух Ленора. Вопрос повис в воздухе. Дядя Ричард открыл глаза.

– Время лечит, но и ожесточает в неменьшей степени, – прорычал он спросонья.

Слова звучали непонятно, но Ленора уже поняла, что многое касательно дяди Ричарда – да и папы тоже – будет ей непонятно. Может быть, пока она здесь, в Замковом поместье, кое-что из этого прояснится.

Ллойд снова пустил машину вперёд. Ленора разглядывала из окна особняк, который поворачивался к ней разными углами. Всё-таки здание было необычайной красоты. Оно так отличалось от дома, где жили они с родителями. Воображение уже рисовало ей длинные пустые коридоры, тайные ходы и просторные спальные комнаты, которые ни с кем не надо делить. Ах, как бы всем тут понравилось – и Джону, и Чарльзу, и Рори.

А маме понравилось бы иметь кухарку – как жене Ллойда. А папе…

В груди зашевелилась прежняя боль. По щекам поползли первые капли. Ленора как следует поморгала. Ей не хотелось сейчас плакать, но порой сдержать слёзы просто невозможно.

Она и оглянуться не успеет, как вся семья приедет сюда к ней, и они с Джоном, Чарльзом и Рори будут бегать по коридорам, тайным ходам и просторным спальням, играть

в прятки в темноте, как раньше, когда они играли в заброшенном магазине рядом с их домом, куда мама с папой строго-настрого запрещали им залезать. (Послушная Ленора всегда стойко торчала снаружи, пока внутри не наступал самый разгар веселья. Всё-таки одно дело – следовать правилам, а другое – упускать всё самое интересное.)

Ллойд зарулил за дом, в небольшой мощёный дворик, где дорога замыкалась в кольцо, и припарковал машину под навесом. Ленора не могла оторвать глаз от густой чащи деревьев, что обступала особняк и покрывала всё обозримое пространство вокруг. В общем-то, свободным от чащи оставался только подъезд к парадному крыльцу.

Она вылезла из машины, Ллойд придержал ей дверь.

– Замковый лес, – сказал он, кивая в ту сторону, куда был устремлён её взгляд.

– Лес опасен, – оборвал его дядя Ричард. Голос его прозвучал резко, даже требовательно. – Не ходи туда.

Ллойд заметно напрягся и одёрнул край жилетки, как бы оправляя её, хотя она и так сидела идеально ровно.

– А почему опасен? – спросила Ленора. Ей лес казался загадочным. Лесные деревья с виду отличались от тех, что росли по краям дорожки и вокруг дома. Они были выше, тоньше, и листья у них больше походили на иголки. Их ровный строй с царственным величием окружал особняк и людей в нём и этим напомнил Леноре её дом. Точнее, местность близ Техас-Сити, которую не успели застроить жилыми кварта-

лами и промышленными зонами – она выглядела почти как Замковое поместье.

Далеко ли отсюда до Техас-Сити? Она даже не обратила внимания на то, сколько они ехали.

Ленора повернулась к дяде. Тот смотрел на лес с таким беспокойством, что она отвернулась, чтобы снова не заплакать.

– Не ходи туда, – повторил дядя Ричард. Больше он ничего не сказал, только повернулся и пошёл к дверям Замкового особняка.

8

А Ленора никак не могла оторваться от леса, всё смотрела назад. Разве такая красота может быть опасна? Но потом

ей вспомнился дым над Техас-Сити и взрыв, уничтоживший всё, что ей было знакомо.

Красота обманчива.

– Миссис Джонс, – послышался голос дяди Ричарда, и Ленора мигом обернулась. Перед ней стояла хрупкая женщина с седыми волосами, завязанными в пучок на затылке, в уголках голубых глаз было столько морщинок, что казалось, эта женщина всю жизнь только и делала, что смеялась. Тонкие губы растянулись в улыбке.

– Пойдём внутрь, лапушка, – проговорила женщина.

– Это Ленора, – вставил Ллойд. Он сам ухмыльнулся миссис Джонс и, проскользнув мимо неё, исчез за дверью.

– Небось и сама знаю, – бросила ему вслед миссис Джонс, успев шлёпнуть его по спине. Простота обращения так позабавила Ленору, что ей тоже захотелось улыбнуться. Миссис Джонс протянула ей запачканную ладонь, и когда Ленора взяла её, притянула девочку к себе, крепко обняла и поцеловала в лоб. На какое-то мгновение Ленора сжалась, но затем расслабилась. Всё-таки приятно, когда тебя обнимают, хотя бы на короткий миг. Даже если тебя обнимает незнакомый человек.

А точно ли они не знакомы?

– Я служила в Замковом особняке ещё когда твой папа был мальчиком, – сказала миссис Джонс, как будто отвечая на её мысли. – Ты так на него похожа.

Ленора просияла, но довольная улыбка быстро рассея-

лась. Папа. Как же его не хватает.

Уйдёт ли когда-нибудь эта боль?

Уйдёт, как только они за ней приедут.

Они же приедут.

Похоже, миссис Джонс почувствовала её горе. Лицо женщины потемнело, в уголках глаз затаилась какая-то своя печаль. Она обвила рукой Ленору за плечи.

– Ну что ты, золотце, – проговорила она. – Пойдём, я тебе всё покажу.

И они вместе поднялись по ступенькам, и, когда вошли в двери, миссис Джонс сказала:

– Добро пожаловать, Ленора, в Замковый особняк.

К счастью, она не сказала: «Добро пожаловать домой».

Ленора подняла глаза – на потолке вестибюля сверкала шикарная люстра, причём так высоко, что даже у папы не получилось бы допрыгнуть, хотя дома он мог в прыжке дотронуться до лампочки. На столике в прихожей не было ни пылинки – Ленора проверила, провела пальцем по столешнице. (Дома вытирать пыль поручали ей, и она не очень-то справлялась со своим заданием.) Под ногами расстилался ковёр – он словно манил ступить дальше, зазывая своими яркими узорами – красными, зелёными, синими, золотыми завитушками. Ленора медленно пошла вперёд: ей хотелось рассмотреть каждую частичку этого потрясающего места, где вырос папа. Почему он никогда ей ничего не рассказывал об этом доме?

Над столиком висела целая коллекция часов в латунных оправах, и все показывали одно и то же время, но не то, что было сейчас, не 2 часа 49 минут, а 3 часа 7 минут. Стрелки не двигались. На столике стоял золотой телефонный аппарат с рожком, чтобы говорить, и длиннющей трубкой, чтобы слушать. Проходя, Ленора дотронулась до него кончиками пальцев.

– Красиво, правда? – проговорила миссис Джонс и улыбнулась одними глазами.

– Очень, – подтвердила Ленора.

– Здесь будет твой дом, – сказала миссис Джонс. – У нас есть бильярдная, библиотека…

– Я ненадолго. – Леноре очень не хотелось перебивать, но надо же было внести ясность, ведь ничего из того, что она говорила в машине, миссис Джонс не слышала. – Но раз уж я пока что здесь, – постаралась она загладить свою грубость, – здорово, что есть библиотека.

Миссис Джонс надолго задержала на ней взгляд, и в мягких глазах её появилась печаль. Наконец она спросила:

– Любишь читать?

Ленора не упускала ни единой секундочки, когда бы можно было почитать. Она кивнула.

– Библиотека у нас замечательная, – сказала миссис Джонс. – Завтра мы с тобой туда сходим, прямо с утра. – Она повернулась, и Ленора увидела, какие сутулые у неё плечи, как она вся согнулась под тяжестью какого-то неведомого го-

ря. Что же это за тяжкий груз лежит на её плечах?

– Что ты хочешь вначале, поесть или переодеться? – спросила миссис Джонс через плечо.

– Поесть? – пробормотала Ленора. Она словно спрашивала – больше, чем отвечала, – как будто просила на это разрешения. В животе так пусто, что в него можно бить, как в барабан.

Миссис Джонс кивнула и поспешила к тяжёлой барной двери с маленьким окошком. Ленора последовала за ней.

– Сейчас пообедаешь со мной на кухне, – пояснила на ходу миссис Джонс. – А вечером и впредь каждый вечер будешь ужинать с мистером Коулом ровно в шесть. – Она строго посмотрела на девочку. – Твой дядя предельно пунктуален, и он не терпит, когда дети опаздывают к столу.

Ого. Это что, предупреждение? И что будет, если она опоздает?

– А здесь есть ещё дети, кроме меня? – спросила Ленора. Внутри зашевелилась надежда. Может, Ллойд забыл кого-то, когда перечислял жильцов особняка. (Хотя, конечно, понятно – надеяться глупо, а всё же в груди сразу потеплело. Надежда вообще глупая вещь.)

Губы миссис Джонс сжались, она покачала головой.

– Нет. – Помолчав, она потёрла пальцем бровь. – Нет, лапушка, больше детей здесь нет. – Леноре показалось, что в её голосе звучит прямо-таки вселенская тоска.

Но нет, не вселенская. Тоска Леноры по-прежнему ей

незнакома.

– Как насчёт сандвича с тунцом, пойдёт? А потом виноградику? Я бы предложила ещё чего, но ужин совсем скоро, всего через пару часов. – Миссис Джонс потянулась за тарелкой.

– Отлично, большое спасибо, – вежливо ответила Ленора – мама с папой остались бы довольны. Мысль о них кольнула старой болью. Сможет ли она когда-нибудь вспомнить о них без этой горечи слёз в горле?

Миссис Джонс достала небольшой белый ящичек со льдом, отстегнула блестящую защёлку и вытащила голубую миску – очевидно, салат с тунцом. Из латунной хлебницы в углу появились два квадратных ломтя, и миссис Джонс щедро намазала их тунцовой массой, а затем водрузила один на другой.

Ленора огляделась. Похоже, кухня здесь больше, чем весь её дом. Раковины две, плиты тоже две, и на каждой чернеет по ряду электрических спиралей, а чуть дальше окошко с видом на Замковый лес. Кухня настолько просторна, что в ней помещается отдельный стол и всё равно остаётся место – хоть колесо делай, причём раза четыре подряд. Просто не верится, что у их семьи, оказывается, есть такой шикарный особняк, а Рори о нём даже не знает. Она бы просто влюбилась в него. Вечно она жалуется насчёт их дома – мол, тесно. На самом деле тесно ей оттого, что приходится жить в одной комнате с Ленорой, а вот Леноре делить с ней комнату не в

тягость, она никогда и не просилась жить отдельно.

Она бы что угодно отдала, чтобы разделить этот особняк с Рори.

Они должны быть живы.

Просто обязаны.

Ленора коснулась жемчужных бус в кармане.

А что, если нет? Что она тогда?

Кто она тогда?

9

На тарелке перед Ленорой лежал сандвич с тунцом, разрезанный на треугольные половинки, а вокруг него катались

зелёные виноградины, когда она поворачивала тарелку кругом.

Ленора зацепила локтем газету. В глаза бросилась картинка – знакомое дымное облако, и Ленора искоса взглянула на дату под заголовком: «18 апреля 1947 г.». Сегодняшняя. После взрыва прошло уже два дня, а о нём до сих пор говорят.

Естественно, о нём будут говорить. Это же «самая масштабная трагедия в истории Техаса» – так сказал доктор Спаркс. Сколько же людей погибло?

Ленора взяла было газету, но миссис Джонс выхватила её у девочки из рук.

– Извини, золотце, – сказала она. – Забыла убрать. – Она торопливо метнулась в дальний конец кухни и поскорей запихала газету в мусорное ведро.

Но Ленора успела увидеть заголовок: «После взрыва в Техас-Сити найдены сотни неопознанных тел». В памяти ещё стояла картина: кучи трупов вокруг, все разодраны в клочья взрывной волной. Ленора закрыла глаза и помотала головой, чтобы вытряхнуть из неё воспоминание. Есть больше не хотелось.

Она почувствовала, как над её рукой нависло что-то тёплое, подняла голову и уткнулась глазами в лицо миссис Джонс.

– Всё образуется, детка, – сказала она. – Вот увидишь.

Ленора кивнула, с трудом проглотив слёзы. В сказанное она не верит или почти не верит, но постараться всё-таки

надо.

Всё образуется, не может быть иначе. Они должны быть живы.

Ленора взяла сандвич – надо заставить себя поесть. На вкус – приятное кисло-сладкое сочетание. Такие сандвичи ей часто клала с собой мама в школу, только в этой тунцовой пасте было какое-то отличие.

– Яблоки, – сказала миссис Джонс, не отрываясь глядя на Ленору. – Они придают небольшую сладость, а заодно и кислинку. Я как-то не была уверена, понравится тебе или нет, но подумала – наверное, понравится. – Она кашлянула. – Твоему папе нравилось. – Она улыбнулась, и кожа вокруг глаз скомкалась в складки, как мятая газета.

Ленора ничего не сказала и не спросила, хотя на языке вертелись тысячи вопросов. Просто непонятно было, откуда начинать.

Помолчав, миссис Джонс проговорила:

– Ни в поместье, ни в окру́ге детей нет. Гости тоже редко приезжают. Так что не часто мне приходится готовить на ужин что-нибудь эдакое. А на сегодня я как раз такое и запланировала.

– А что?

– Жаркое, – ответила миссис Джонс и указала на одну из духовок. – Уже поставила.

Жаркое. Мама так вкусно умела его делать. Грудь Леноре снова сдавило. Будет ли она когда-нибудь дышать свободно,

как прежде?

– Хорошо, что ты у нас поживёшь. И для Замка хорошо, и для всех, – сказала вдруг миссис Джонс. Её глаза затянулись было пеленой, но затем прояснели.

Ленора уставилась на кухарку, ожидая, что та скажет что-то ещё, разъяснит свои слова, но та ничего такого не сделала. Ленора открыла рот, чтобы спросить самой, но в итоге только и вымолвила:

– Я тут поживу совсем недолго.

Миссис Джонс опустила лицо.

– Я знаю, – сказала она.

Однако Леноре нужно было непременно проговорить эти слова вслух – снова, чтобы опять в них поверить. И она продолжила:

– Мама с папой скоро приедут за мной и заберут домой.

– Домой, – эхом отозвалась миссис Джонс. Она провела пятнистой ладонью по столу. – Удивительно, до чего разные вещи иногда под домом подразумевают. Ну ладно. – Она встала. – Если ты поела, пойдём, я покажу тебе твои комнаты.

– Мои *комнаты*? – Ленора чуть не хохотнула, совсем забывшись от внезапной нелепости последней фразы. Вообще, эта кухарка выражалась порой так официально, как будто была не кухаркой, а горничной из какого-нибудь старинного романа вроде тех, что любил читать отец. Ленора прижала ладонь ко рту, пока смешок не прошёл, и только затем спро-

сила: – Их что, больше одной?

Миссис Джонс склонила голову набок, и в её улыбке проступило что-то ещё, кроме прежней доброжелательности – какая-то весёлость, пожалуй.

– Видишь ли, золотце, к каждой спальне в нашем Замковом особняке, Замке, прилагается отдельная ванная с уборной. Поэтому целиком мы зовём их комнатами, да.

– То есть в вашем особняке двадцать шесть ванных? – изумилась Ленора. И тут же сообразила, что пялится на кухарку во все глаза. У неё дома ванная была только одна, и пользовались ею по очереди. Из-за этого-то и разгорались самые крупные стычки – в основном благодаря Рори, которая любила там поторчать подольше.

– Вообще-то двадцать девять, – уточнила миссис Джонс. – Ещё рядом с гостиной есть, при библиотеке и рядом с бальной залой. Некоторые, впрочем, не то чтобы целые ванные, а так, скорее просто дамские комнатки, но во всяком случае… – Миссис Джонс поднялась. – Пойдём, детка.

Ленора послушно вышла вслед за кухаркой, и они оказались у подножья большой винтовой лестницы, конца которой было не видать. Казалось, она такая высокая, что ведёт на самое небо… только, понятное дело, она туда не ведёт. Уж кто-кто, а дети Коулов усвоили с пелёнок – папа об этом позаботился, – что волшебства не существует. Как любил повторять папа, волшебство есть только обман и иллюзия, и ничему иллюзорному доверять нельзя, ведь обманутый же-

стоко страдает. Правда, чего Ленора никогда не могла понять – это почему сам папа любит именно те книги, которые целиком и полностью про волшебство и всякие там чудеса.

Стена вокруг лестницы была вся увешана портретами незнакомых людей – наверное, членов семьи, подумала Ленора, но точно определить не могла. Семьи этой она толком не знала. Папа никогда не говорил о ней, не рассказывал, даже не упоминал ни Замковое поместье, ни Замок. Ленора ненадолго задержалась перед портретами: серьёзные мужчины плотно сомкнули губы, женщины обратили вдаль ясные взгляды лучезарных глаз. Ей захотелось узнать, кто эти люди, но темп миссис Джонс не оставлял возможности для вопросов на ходу. Ленора еле поспевала за ней, торопливо хватаясь за блестящие перила из вишнёвого дерева. На ладони не осело ни пылинки.

– Миссис Джонс, проследите, пожалуйста, чтобы у неё было всё, что надо, – громыхнул им вслед мужской голос. Ленора остановилась и выглянула в пролёт сквозь узорчатое сплетение чёрных железных прутьев в перилах. Внизу в сумраке коридора виднелась фигура дяди Ричарда – лицо почти полностью скрывала тень лестницы. Он уже переоделся – наверное, чтобы избавиться поскорей от запаха Техас-Сити и вместе с ним от его гнетущего образа. Теперь на дяде был другой костюм – в общем-то, точно такой же, как предыдущий, только терракотовый. Левая рука прихлопнула по бедру – Ленора проследила за этим движением, чтобы не смот-

реть ему в глаза, в это лицо, так похожее на папино, кроме глаз. – И ужинает она сегодня со мной, – закончил дядя Ричард.

– Да, мистер Коул, – откликнулась кухарка.

Ленора опустила глаза на своё платье, сплошь измятое и в саже, на туфли – с ними, скорее всего, ничего уже не сделать. Сидя в здании городского совета, она попыталась отскоблить пыль и копоть с ладоней, лица, локтей. Но с одеждой и обувью дело обстояло сложней.

С этого момента она на лестнице ничего не трогала, включая перила. Маме бы очень не хотелось, чтобы она поступила в гостях невежливо или бестактно, пора вспомнить о том, кто здесь юная леди, и вести себя подобающе.

Она будет вести себя подобающе.

Она будет делать всё что угодно, лишь бы они вернулись.

10

Интерьер второго этажа оказался довольно простым: впе-
рёд уходил тёмный коридор – казалось, конца ему не будет,

а украшал его разве что один ковёр с вьющимся узором, как и внизу, с зелёными, синими и золотыми завитками. Кое-где можно было разглядеть в сгущающемся мраке несколько портретов на стенах. Двери во все комнаты, сколько их виднелось впереди, были закрыты. Леноре жутко хотелось посмотреть скорей, что же там, за этими дверями, но миссис Джонс остановилась у первой же двери справа.

Ленора бросила напоследок взгляд в тёмную глубину коридора – он зиял перед ней, как чёрная бездна. Что ж, хотя бы ей не придётся нырять туда, в темноту, каждый день.

Вот уж посмеялись бы над ней Джон и Чарльз с Рори – такая трусишка! Если бы они приехали сюда вместе и каждый сам выбирал себе комнаты, Ленора и так выбрала бы эти, крайние, просто потому, что они не утопают где-то глубоко во мраке бесконечного коридора.

Вот бы они приехали сюда вместе. Вместе бы исследовали Замок. Ей не пришлось бы быть одной.

Хотя, может быть, миссис Джонс покажет остальные комнаты, если попросить? Мама всегда говорила, что если бы Ленора почаще обращалась за помощью, то ей бы и жилось полегче. Леноре нравилось всё делать самой – правда, в случае тёмных коридоров и запертых дверей это означало, что она скорее притворится, будто ей ничуть не интересно, что там за дверями, чем попросит кого-нибудь сходить посмотреть вместе с ней.

Наверное, пора это менять.

Ленора откашлялась.

– Мы в западном крыле, – опередила её миссис Джонс, бросив фразу через плечо.

– А есть и восточное?

– Есть и восточное. – Миссис Джонс скрипнула дверной ручкой. Старинной, медной дверной ручкой с большущей замочной скважиной – в такую, пожалуй, вполне можно что-то увидеть, если заглянуть. Дверь ярко-зелёная – цвет леса, любимый цвет Леноры. Как будто это знак. Она протянула руку и дотронулась до двери, улыбнулась. Только губы почти не шелохнулись. Наверное, это и есть горе – когда улыбка больше не получается.

Миссис Джонс тем временем грохотала дверной ручкой. Та не поддавалась, и кухарка снова поворочала в скважине ключом.

– Заело. – Она вытащила ключ, подняла повыше и внимательно осмотрела, затем опять вставила в замок и попробовала ещё раз.

– Можно, я, – подступила Ленора. Она взялась за ключ, и дверь моментально растворилась.

Миссис Джонс улыбнулась.

– Эти комнаты стоят запертыми довольно давно.

Ленора задержалась на пороге.

– А что в тех, остальных?

– Кровати, камины, шифоньеры – всё как у тебя. – Миссис Джонс подтолкнула дверь, чтобы открыть пошире, та проте-

стующе заскрипела. – Так, придётся подмазать, – усмехнулась она. – Давай, детка, проходи.

Но Ленора медлила. Её взгляд зацепила бирюзовая дверь напротив. Показалось даже, будто местами она поблёскивает. Ленора наклонила голову.

– Эти спальни раньше предназначались для гостей Замка, – сказала миссис Джонс. – Но к нам давно никто не приезжает. – И она слегка подтолкнула Ленору в комнату.

Внутри стоял пыльный, затхлый запах.

– Здесь давно не проветривали, – угадывая мысли своей гостьи, проговорила миссис Джонс. – Я пооткрывала все окна, как только узнала, что ты приедешь, но, похоже, запах не успел выветриться.

Комната оказалась просторной и такой же роскошной, как и всё в особняке. Золотисто-жёлтые стены окаймлял вверху затейливый зелёный узор. Но вниманием Леноры завладела кровать. Такого изысканного ложа девочка за свои двенадцать лет не видала ни разу. Его окружал золотой балдахин, откинутый в сторону, чтобы представить взору покрывало и подушки богатого бордового цвета с лоском. По краям высились четыре столбика из тёмного дерева, увитые золотыми листьями. Настоящая постель королевы, прямиком из книжки со сказками. Ленора так и ахнула.

– Нравится? – спросила миссис Джонс.

– Никогда такой потрясающей кровати не видела, – призналась Ленора. Интересно, что она услышит от доброй ку-

харки в свой адрес, если сейчас разбежится и плюхнется на эти восхитительные перины? Хотя, наверное, не стоит – она вся такая чумазая. С огромным усилием Ленора подавила душевный порыв.

А вот Рори бы плюхнулась.

Рори.

От боли Ленора чуть не вскрикнула.

Она повернулась к миссис Джонс, которая указывала на большой платяной шкаф в углу. Шкаф по стилю подходил к кровати: то же тёмное дерево, те же золотые листья по верхнему краю.

– В шифоньере лежит чистая одежда. Я купила тебе два платьица – надеюсь, угадала с размером. – Миссис Джонс снова повернулась к Леноре, откинула с глаз выбившуюся прядку седых волос и продолжила: – Послезавтра можно докупить ещё. У твоего дяди будет какое-то дело в городе, вот он тебя и возьмёт.

– Но вы ведь тоже поедете? – заволновалась Ленора. Она и представить не могла, о чём говорить и что делать в присутствии одного дяди. Он-то предпочитал молчать, это ясно, но Леноре всегда хотелось побеседовать. Да и как он поможет ей с платьями? Он же мужчина.

– Да у меня тут дел невпроворот, – ответила миссис Джонс, но, очевидно, уныние слишком заметно проступило на лице Леноры, потому что кухарка поспешила добавить: – Но мы посмотрим. – Она продолжала внимательно следить

за выражением Леноры, и та, застеснявшись, опустила глаза.

– Я бы хотела, чтобы вы поехали, – тихо пробормотала девочка.

– Тогда я поеду.

Ленора решила, что это обещание.

11

Миссис Джонс махнула в сторону боковой двери слева.
– Там ванная, – пояснила она и направилась в ту сторону.

Ленора последовала за своей проводницей и оказалась в просторном помещении с белой ванной на ножках в виде когтистых лап. Пол здесь был облицован чем-то вроде мрамора. На стенах, окрашенных в тот же янтарный цвет, что и стены спальни, висели два зеркала в позолоченных рамах, а рядом стояли раковина и унитаз.

– Пожалуй, ванна тебе сейчас не помешает, верно? – проговорила миссис Джонс.

Ленора согласилась. Кухарка вернулась в спальню, и девочка вышла за ней. Всякий раз, как Ленора оборачивалась, она замечала что-нибудь новое, чего не видела раньше. Сейчас ей бросились в глаза какие-то рисунки на стенах, нечто вроде механизмов из золота, а может, латуни. На одном был слон, весь составленный из пластин и шарниров. На другом – улитка на колёсах, как у паровоза, а рядом механический человек в латунной броне.

– А это что? – Ленора указала на рисунки.

Лицо миссис Джонс потемнело, но отчего – Леноре осталось неясно.

– Так, художества, – сказала она, помолчав. Но – и вот что самое странное – вид у неё был такой, как будто и это она сказала через силу. Кажется, здесь, в Замке, вообще нет ничего, что не было бы странным.

– Я пока пойду, – промолвила наконец кухарка. – Ужин ровно в шесть, запомни. И не опаздывай.

– А остальные комнаты – они все такие же, как моя? – спо-

хватилась Ленора, когда миссис Джонс уже была в дверях.

Та повернулась, облокотилась костлявым бедром о косяк. Тонкие брови поднялись высокими дугами.

– Ну, в смысле… – Ленора и сама не знала, что она имела в виду. – Они все были жилые?

– В то или иное время – все, – ответила миссис Джонс. – Дом очень старый. И принадлежит вашей семье уже несколько столетий. Когда-то здесь жили несколько семей, не только старший наследник.

Каково бы им было жить здесь всей семьёй, по соседству с дядей Ричардом?

– А чья была эта комната?

Миссис Джонс вздохнула. Перекрестила руки на груди – лиф бурого платья тотчас затопорщился складками.

– Это были комнаты одной маленькой девочки, – сказала она.

– И что же с ней стало? – спросила Ленора.

– А ты любопытная, – заметила миссис Джонс, но забавляет её это или раздражает, Ленора так и не уловила.

– Я же о своей семье ничего не знаю, – попыталась объяснить Ленора.

Голос дрогнул, и она постаралась совладать с собой. Но видимо, дрожь вызвала у миссис Джонс жалость, потому что внезапно кухарка добавила:

– Да, дочери… господина Коула.

– У дяди Ричарда есть дочка? – Сердце у Леноры ёкнуло.

Что же с ней случилось? Здесь её нигде нет.

– Давно это было, – задумчиво продолжила миссис Джонс. – Лет восемь назад… или девять, что ли? – Взгляд затерялся где-то далеко-далеко. – Потерял обеих, в один день.

– Кого?! – Порой любопытство никакая леди не усмирит.

Миссис Джонс встрепенулась, отпрянула от косяка, как будто он её обжёг.

– Никого. Прости. Не стоило мне болтать. Да и не моя это жизнь, чтобы о ней рассказывать.

– Но мне же нужно знать о жизни моей семьи! – И снова голос Леноры дрогнул на слове «семья».

Но на этот раз жалость не тронула сердце кухарки, потому что всё, что она сказала, было:

– Все простыни я постирала и просушила. До ужина ещё уйма времени, так что если захочешь вздремнуть, то, пожалуйста, прислушивайся к звонку. У нас звонок – это сигнал, когда пора. Уж его ты точно услышишь. – И она хихикнула.

А потом она ушла и оставила Ленору одну в её причудливых покоях. Ленора выглянула в коридор, и взгляд упёрся в дверь напротив. Теперь она увидела, что блестело. В тусклом сумраке во всю высоту двери проступил на бирюзовом фоне мерцающий знак: X. Полупрозрачные линии едва-едва поблёскивали, как будто на краску осела волшебная пыль.

Ленора подалась вперёд. Знак исчез.

Может, ей просто показалось?

Она вернулась в комнату и открыла платяной шкаф в углу

– шифоньер. В нём оказалось два платья, оба синие, но разного фасона. У одного был белый воротничок – почти такой же, как на ней сейчас, на её именинном платье. У второго спереди был пышный ряд оборок и рукава-фонарики. Ленора выбрала второе и разложила его на кровати, а внизу приставила пару чёрных туфелек, которые нашла на дне шкафа. Без каблучков.

Вымывшись, Ленора хотела было сунуть своё именинное платье в камин – пусть уж оно сгинет тем же образом, что и вся её прошлая жизнь – в огне. Но, с другой стороны… А вдруг его ещё можно отстирать… и потом носить?.. Тогда надо его оставить. Может, это всё, что у неё осталось на память о доме, о семье, о безграничной любви, в которой она росла, пока её окружали пять самых дорогих ей человек.

Нет. Это не всё, что осталось. Ещё ведь жемчужные бусы. Она достала их из кармана и поднесла к губам – всё равно, пусть пачкают её свежее личико копотью.

В конце концов она выволокла грязное платье в коридор и свалила на пол в кучу, а потом растянулась на своём королевском ложе, которое оказалось ещё мягче, чем представлялось на вид. Бусики струились между пальцев, оставляя везде чёрные пятна сажи. Ленора закрыла глаза.

Однако перед глазами тут же замелькали бесконечные образы Техас-Сити. Облака дыма. Взрывная волна. Пол в школе трясётся, стекла бьются вдребезги, миссис Истер отлетает в сторону, как кукла. Под ногами тела.

Ленора уставилась на полог над кроватью и по привычке протянула руку в сторону – туда, где обычно спала сестрёнка. Но теперь там было пусто и холодно. Кровать оказалась слишком большой. Ленора откинула край одеяла и забралась в постель. Натянула одеяло до самого подбородка. А затем накрылась с головой.

Бусы остались лежать на месте Роры, отпечатав копотный след на шикарном бордовом покрывале.

12

Она проснулась не от звонка, а от голоса. Тоненького, сходящего на шёпот.

«Ленора, – говорил голос, – иди сюда».

Она моргнула в душной темноте своего укрытия и отбросила одеяло с лица. Оперлась на локоть, села. В комнате всё застыло, словно и воздух, и время замерли. И тут звонок на ужин разбил чары тишины. Трезвон взлетел на этаж от самых нижних ступеней лестницы и пробрался в её комнату сквозь щель под дверью.

Ленора выпрыгнула из кровати и отправилась поскорей отмывать руки, оттирать чёрную сажу и грязь с пальцев. Затем сунула жемчужные бусы в передний кармашек платья и опять сполоснула руки.

Маму надо взять с собой.

В обеденной зале стояла тишина. Вокруг стола были расставлены восемь стульев: по одному на каждом конце и по три на длинных сторонах. В центре столешницы из тёплого светлого дерева возвышался массивный золотой канделябр. Навстречу ему с потолка свисала латунная люстра и игриво разбрасывала по зале световые блики, отчего всё вокруг словно подрагивало, мерцало. Рядом с большим светлым окном располагался камин. Сейчас топить было незачем – погода и так тёплая, но Леноре сразу представилось, как же здесь, должно быть, уютно сидеть зимой, ужинать у горящего очага.

Она как раз принялась размышлять, куда ей садиться, как в залу вошёл дядя Ричард. Не зная, что сказать, – а прервать звенящую тишину чем-то надо было, и не только из-за дяди

Ричарда, обычно с этой целью она разговаривала сама с собой, – Ленора выдавила:

– Какая красивая зала.

Дядя ничего не ответил, только рассеянно кивнул и сел на место во главе стола.

– Мне полагается сесть на какое-то специальное место? – спросила на всякий случай Ленора.

– Садись, куда захочется, золотце, – послышался голос миссис Джонс, и в дверях появилась она сама с подносом, на котором уместились четыре тарелки. На двух тарелках высились горки салата, на двух других дымилось жаркое со спаржей.

– Только не напротив, – хрипло прорычал вдруг дядя.

Ленора бросила взгляд на пустое место на том конце стола. Просьба показалась ей странной. Интересно, что будет, если она туда сядет?

Но она, конечно, не стала. Вместо этого она заняла место на длинной стороне, поближе к тому концу и подальше от дяди. С ним ей было как-то неловко. Она всё никак не могла определить, что дядя думает, хотя с другими людьми у неё это выходило хорошо. Его же мысли и чувства оставались для Леноры тайной.

К тому же у неё сложилось впечатление, что дядя и сам хочет, чтобы она сидела подальше.

У них дома ужин всегда проходил очень шумно. Джон с Чарльзом без конца балаболили, стараясь перекричать друг

друга, а Рори пыталась вставить словцо. Одна Ленора сидела с блаженной безмятежностью и терпеливо ждала, пока родители спросят её, как прошёл день.

Этот ужин был куда молчаливее, только латунные часы над камином смели навязывать тишине свой ритм: тик-так, тик-так. Хотя Ленора никогда не пробовала ничего вкуснее того, что приготовила миссис Джонс, есть она толком не могла и только ковыряла вилкой в тарелке. Живот опять нещадно скрутило.

К тиканью добавился лязг: часы пробряцали половину. Ленора взглянула на дядю. Кажется, он ни секунды не мог усидеть без движения. Его то потряхивало, как будто он сидел на невидимом моторе – Ленора заглянула под стол и поняла, что он просто дрыгает ногой, то вилка у него в руке начинала мелко дрожать, то он вдруг принимался постукивать пальцем по виску.

Любопытный выходил танец.

С Ленорой он не перекинулся ни словом, хотя она и пыталась завести разговор вопросами о Замковом особняке и тех годах, что папа здесь прожил. Судя по всему, у миссис Джонс на такие моменты было безупречное чутье, потому что всякий раз, как Ленора задавала новый вопрос, она появлялась из ниоткуда и успевала увести разговор в другую сторону. После пары-тройки попыток Ленора сдалась. Очевидно, сегодня никаких ответов на вопросы ждать не стоило.

А вот завтра будет новый день.

Замолкнув, Ленора усердней принялась за ужин и теперь только иногда позволяла себе редкие взгляды в сторону дяди. У того рядом с тарелкой лежала толстая тетрадь и ручка. Время от времени он застывал, невидящим взглядом уставившись прямо перед собой, а затем оживал и быстро корябал что-то у себя в тетради, потом снова поднимал голову, и его глаза опять мутнели, как будто он переносился в какой-то совершенно иной мир.

Интересно, в какой? Вымышленный или реальный?

И почему это ему так трудно ответить хотя бы на один вопрос своей гостьи? Леноре хотелось столько всего у него разузнать: что такого стряслось у них с отцом, куда пропала её двоюродная сестра – а может, сёстры? – и почему Леноре никто до сих пор не рассказывал ни об этом доме, ни о людях, которые в нём жили?

Она опять принялась разглядывать дядю. Тот строчил что-то в тетради. Волосы с проседью, торчащие в разные стороны вокруг головы, мелко подрагивали. Внезапно он поднял глаза и тоже посмотрел на Ленору, но, кажется, не увидел её. Заскрипел отодвигаемый стул, дядя буркнул: «Прошу извинить», похватал ручку и тетрадку и выскочил в дверь. Ленора осталась на месте и просидела ещё какое-то время, гадая, что же будет дальше. Дядина выходка несколько смутила её и немного задела.

Неужели так оно и будет теперь?

Ленора уставилась на канделябр, на его тёплый свет –

недостаточно тёплый, чтобы растопить льдинки боли у неё в сердце, которые там, кажется, только глубже уселись сегодня, как будто намеренные остаться навсегда.

13

Через несколько минут вошла миссис Джонс.

– Что, господин Коул ушёл? – спросила она. В голосе зву-

чала заметная досада.

– Д-да. Буквально только что, – ответила Ленора, сама не зная, с чего вдруг ей так хочется встать на дядину защиту.

Миссис Джонс строго сжала губы.

– Я поговорю с ним вечером, – объявила она твёрдым, решительным голосом. – Ему следует сначала закончить ужин с племянницей, а потом уже бежать к своей работе.

Ленора втайне усомнилась, что дядя Ричард кого-то послушает, но вслух своих сомнений не высказала. Вместо этого она поинтересовалась:

– А что у него за работа?

Лицо у кухарки разом осунулось, брови наползли на глаза. Она быстро пробормотала: «Я сейчас уберу», – и принялась усердно возиться с тарелками дяди Ричарда.

Ясно было, что вопрос она слышала, Ленора решила так просто не отставать и повторила:

– Что у него за работа?

Миссис Джонс обернулась в дверях.

– Ты что, правда ничего не знаешь о своём дяде? – спросила она и посмотрела так грустно, что Ленора не выдержала и опустила глаза.

– Папа никогда о нём не рассказывал, – тяжело сглотнув, призналась она. Признание это далось ей чрезвычайно тяжело, но другой правды у неё не было.

После этих слов ей вдруг показалось, будто на комнату опустилась тьма; она подняла глаза и увидела, что это лицо

миссис Джонс потемнело. Она смотрела одновременно и печально, и сердито.

– Ну что ж, – только и произнесла она, обозначив конец разговора решительным кивком головы.

Но Ленора не могла так это оставить.

– Они что, ненавидели друг друга? – спросила она.

– Не всегда.

Миссис Джонс вернулась к столу, поставила дядины тарелки обратно и отодвинула стул. Тяжело опустилась на сиденье и откинулась на спинку.

– Когда были детьми – нет. В детстве они, наоборот, очень любили друг друга.

– И что же случилось?

– Время случилось. – Миссис Джонс встала так же быстро, как и села, и прежде, чем Ленора успела что-то ещё у неё спросить, исчезла за дверями залы.

Ленора подождала немного в надежде, что она вернётся. Ей полагается самой убрать за собой тарелки или этим тоже занимается кухарка? Ленора уже решила было убрать сама, так она привыкла делать дома, как вдруг вернулась миссис Джонс.

– Золотце, ты всё? – спросила она как ни в чём не бывало.

Ленора кивнула и тут же прибавила:

– А над чем работает дядя Ричард? – Ей хотелось напомнить миссис Джонс, что вопрос так и остался неотвеченным. Родителям она тоже всегда напоминала, когда они не отве-

чали. Мама говорила, что это её смущает. Папа говорил, что это его радует. Ленора потёрла грудь ладонью.

Миссис Джонс наклонилась забрать её тарелку и вздохнула.

– Твой дядя – учёный. Ведёт научную работу. Я эту работу и сама не очень-то понимаю, – усмехнулась она. – У меня-то работа кулинарная.

– Кулинария тоже наука, – сказала Ленора.

Миссис Джонс улыбнулась.

– Не про твоего дядю наука.

– А какая про него?

В школе Ленора обожала физику и химию – самые что ни на есть науки. Кто знает – вдруг она сможет помогать своему дяде.

Но взгляд миссис Джонс уже снова похолодел.

– Возможно, когда-нибудь он сам тебе расскажет, чем там занимается.

– А вы не можете? – Зачем все эти секреты?

– То его дело, – ответила кухарка. – Не могу сказать, что я в этом до конца понимаю.

– Как вы думаете, он может взять меня в помощники? Мне всегда нравились и физика, и химия. По ним у меня всегда самые лучшие оценки. – Ленора старалась говорить непринуждённо, но сама услышала, какое отчаяние сквозит в её словах.

Вдруг миссис Джонс уронила тарелку, и та разбилась об

пол.

– О-о, ну вот, – протянула кухарка и оглядела пол, весь в белых острых осколках. Откашлявшись, она наклонилась и принялась собирать кусочки покрупнее в груду. Ленора тоже нагнулась помочь. – Спасибо, золотце, – тихо сказала ей миссис Джонс.

Смахнув остатки метлой и вынеся мусор на кухню, она вернулась в обеденную залу проверить, точно ли больше нигде нет осколков. Оглядывая пол, она проговорила:

– Нет, Ленора. Не думаю, что твоему дяде понравится идея пустить ребёнка к себе в лабораторию.

Разочарование вздулось у Леноры в горле, словно гадкий пузырь.

– А, – только и смогла она выдавить в ответ.

Наступило неловкое молчание. Потом миссис Джонс наконец спросила:

– Будешь клубничный торт? Сегодня сделала, совсем свежий.

– Буду, – ответила Ленора, – с удовольствием.

– Мы можем переместиться ко мне в кухню.

Они направились к дверям, но уже стоя на пороге, Ленора обернулась назад и окинула взглядом обеденную залу. Та мягко сияла в неярком свете канделябра. Такое просторное, нарядное, замечательное помещение. Остальным бы точно понравилось… Жаль, что они его не видят. Свет в зале как будто потускнел.

Они увидят. Они приедут.

Зала снова засияла.

Ленора повернулась и стала думать о другом: как положить конец мрачной, скрытной манере обо всём умалчивать, что царила в Замковом особняке.

14

Клубничный был её любимый торт, но когда Ленора откусила кусочек, на языке почувствовалась горечь. Дело было

не в торте: миссис Джонс слишком хорошо знала своё дело, чтобы начудить с выпечкой.

Дело было в связанных с тортом воспоминаниях.

Каждый год на день рождения мама делала Леноре клубничный торт. Только в этом году не успела.

– День рождения… – сорвалось у девочки с языка. Миссис Джонс потянулась к ней через маленький кухонный стол тёмного дерева и обхватила её ладонь своими руками.

– Я испекла торт, чтобы отпраздновать, – сказала она. Глаза её сияли. Седые волосы слегка шевелил ветерок из приоткрытого окна. – Я же помню, что у тебя пару дней назад день рождения был. И твоему папе я всегда делала в этот день его любимый торт.

Она ничего не добавила про катастрофу. И хорошо.

Но горло у Леноры так охрипло, что даже «спасибо» было не выговорить. Она уставилась на кусок торта перед собой: идеально ровная розовая глазурь, мягкая сердцевинка бисквита. В глазах опять нестерпимо жгло. Она потёрла их ладонью – той, которая не была в руках миссис Джонс.

Нет, не улеглось ещё свежее горе.

– Можешь съесть и два куска, если захочется, – доверительно сообщила ей миссис Джонс. Ленора понимала, что кухарка старается подбодрить её. И ей подумалось: наверное, сейчас подходящее время позадавать ещё вопросов – может быть, сейчас она получит на них ответы.

– Так что случилось с дочкой дяди Ричарда? – спросила

она.

Миссис Джонс похлопала её по ладошке и убрала свою тёплую руку.

– Об этом лучше спроси дядю Ричарда, детка, – в конце концов сказала она.

– Да он вообще не разговаривает.

– Ну, пока да. – По лицу кухарки пробежала тень. – Он ещё не до конца оправился.

– После чего?

– После того, что случилось. – Миссис Джонс обернулась к торту на столешнице. – Хочешь ещё кусочек?

На тарелке у Леноры не осталось ни крошки. Девочка кивнула.

– Да, пожалуйста. – Как всегда, главное – манеры.

Миссис Джонс положила ей на тарелку новый здоровенный розовый кусок.

– Боюсь, как бы тебе не стало тут одиноко, – сочувственно вздохнула миссис Джонс. – Дом у нас очень тихий. Зато есть сад. – Она закусила губу и опустила глаза. – Зарос, правда, порядком, но, как знать, глядишь, и уговорим твоего дядю взять садовника, раньше ведь у нас был. – Она встряхнула головой, словно отгоняя непрошеное воспоминание, а потом снова посмотрела на Ленору и улыбнулась ей, но только одними губами. – В общем, по нему можно погулять, полазать везде – только со двора не уходи. – Она указала на ещё одну, третью, дверь из кухни, которую раньше Ленора почему-то

не замечала. – Вот эта дверь – прямиком в сад.

В двери было маленькое окошко.

– Дядя тебе уже говорил, ходить в лес нельзя, – продолжала кухарка. – Там слишком опасно, и лес очень большой. Не раз и не два там терялись дети… – Лицо её снова посерело, и она опять мотнула головой. – Мы не планировали отдавать тебя сейчас в школу, тут учебный год уже почти закончился, но в сентябре пойдёшь. Уверена, ты там легко заведёшь себе друзей, и тогда тут больше не будет так одиноко.

– Ну, в сентябре меня уже здесь не будет, – возразила Ленора, практически на автомате. – Уж до этого времени мама с папой меня точно заберут.

Миссис Джонс посмотрела на неё с такой горестью, как будто плакала, только без слёз.

– Конечно, нельзя переставать надеяться, детка моя, – сказала она. Но сказала без веры, и сердце у Леноры забилось.

Наступило тяжёлое молчание. Ленора отчаянно пыталась придумать, что бы сказать, чем бы нарушить тишину. Наконец, придумалось то самое, что нужно сказать:

– Мой папа – герой.

– Герой? – улыбнулась миссис Джонс.

– Да, настоящий. – Ленора села ровнее, вся выпрямилась – по наитию, не задумываясь. Слишком она гордилась своим папой: ведь за годы работы он спас столько жизней. Уж конечно, он и свою…

– Расскажи, – попросила миссис Джонс.

– Он спасал людей от пожаров. И уже многих спас. Он забегал в горящее здание и вытаскивал человека, пока тот не успел сгореть… – Теперь, когда Ленора начала рассказывать, её было не остановить.

– Да, звучит действительно героически, – признала миссис Джонс.

– И ни разу он не получил ни одного ожога. Мэр сказал, что наш папа – исключительный случай. – Ленора закусила губу и подтёрла пальцем остатки крема с тарелки. – В этом пожаре он тоже выжил. Точно.

Кухарка наклонила голову набок и, помолчав, произнесла:

– Ясно.

Слово так и полоснуло Ленору по горлу. Стало невозможно дышать, не то что говорить.

– Я твоего папу хорошо помню, – сказала вдруг миссис Джонс.

Ленора вновь обрела голос.

– Правда?

Кухарка заулыбалась, и теперь улыбка заиграла не только на её губах, но и в глазах, и в складках кожи в уголках глаз.

– Я же очень давно здесь, в Замке.

– Можно послушать про то, как он здесь жил? – попросила Ленора. – Сам он нам ничего не рассказывал.

По лицу миссис Джонс в который раз пробежала тень, и Ленора пожалела, что опять повторила ту суровую правду, которую уже сообщала этой доброй милой женщине и кото-

рая ещё в прошлый раз её так опечалила и рассердила.

– Да, – проговорила кухарка в ответ, – я его понимаю.

После таких слов целый рой вопросов поднялся уже сам собой, и самый громкий в этом рое был, конечно: почему?

Но миссис Джонс тут же продолжила:

– Уже поздно. Ты во сколько обычно идёшь укладываться?

– В полдевятого. – Ленора поискала глазами настенные часы; они оказались над дверями в обеденную залу. Часы были латунные, со множеством шестерёнок, и все шестерёнки торчали наружу из-под белого циферблата – точно такого же, как на часах в прихожей, с застывшими стрелками, только эти работали. И показывали они половину восьмого.

– Немного времени ещё есть, но для долгих рассказов маловато, – пояснила миссис Джонс. Ленора не поверила: ясно же, что кухарка просто хочет уйти от разговора. – Могу вместо этого показать тебе библиотеку, если хочешь. Можешь взять оттуда любую книгу с собой в комнату.

Но Ленорой внезапно овладела такая усталость, что ей не хотелось даже думать о том, чтобы подниматься по лестнице. Вот был бы здесь папа, он бы унёс её на руках. Она зевнула.

– Лучше завтра, – пробормотала она. – Я, наверное, могу сама её найти, библиотеку.

– Только смотри не ходи в восточное крыло, – наказала миссис Джонс, опустив почему-то глаза. – Там работает твой дядя. А он не любит, чтобы ему мешали. – Она откашлялась

и продолжала: – К тому же там страшно бывает, в том крыле. – Она подняла лицо и посмотрела прямо на Ленору, и в её глубоких синих глазах сверкнули весёлые искорки. – Если про наш Замок и ходят истории с привидениями, то виновато восточное крыло.

– С привидениями? – Ленора содрогнулась. Историй с привидениями она не выносила. А Замковый особняк такой большой и опустелый.

И комната её тоже такая же.

– Да ты не волнуйся, куколка, – заверила её миссис Джонс. – Это просто досужие домыслы. Ладно, так. Хочешь, я провожу тебя до комнат?

Ленора чуть не выпалила: да! Но сразу представилось неловкое прощание в дверях, пустое «спокойной ночи, золотце». Мама обычно читала им с Рори на ночь, и мальчишкам тоже. А по части папы было уложить всех в постель.

– Я сама дойду, – с трудом протолкнула она слова сквозь ком в горле. – Если там горит свет.

Миссис Джонс улыбнулась.

– В комоде рядом с дверью в ванную есть ночнушка. Надеюсь, тебе подойдёт.

Ленора встала и направилась к той двери, которая вела в коридор. Никогда ей раньше не доводилось бывать в кухнях, где дверей аж три штуки. Вот маме бы понравилось.

– Не забудь окно закрыть, когда ложиться будешь, – бросила ей вслед миссис Джонс.

– Зачем? – Ленора остановилась.

– Правила такие, – сказала миссис Джонс. Больше она ничего не добавила, но было ясно, что за этим кроется нечто большее. Здесь так много тайн, в этом особняке. А тайны Ленора не любила – никакие, ни плохие, ни хорошие. Лучше уж знать всё до конца, чем блуждать в потёмках.

Ленора что было духу взлетела вверх по ступенькам, чтобы её не догнали воображаемые монстры, которые могли прятаться внизу. Но вслед ей неслись, обгоняя, голоса Рори, Джона и Чарльза.

Конечно, воображаемые.

На самом деле она была одна.

15

Свою первую ночь в Замковом особняке Ленора проворочалась с боку на бок. Во сне мелькали образы мамы с папой,

Джона с Чарльзом, Рори. Она видела их счастливые, сияющие лица. Они высыпали на лужайку за домом, который был с виду очень похож на их родной, на Техас-авеню. Джон и Чарльз играют с папой в бейсбол. Мама машет Рори, мол, пойдём в дом, пора печь пирог. Ленора видит их из окна во двор. Для идеального семейного портрета не хватает только её самой. А они как будто и не замечают её отсутствия. Ленора тянет к ним руки, бежит к ним, но их отделяет невидимая непреодолимая стена.

Где-то ближе к середине ночи сны стали ещё мрачнее. Перед ней возникла тень, она манила Ленору в зияющую черноту – бездонную, зловещую. Тень по форме напоминала отца – высокая, худая, широкоплечая, только никакого лица или конкретной внешности у неё не было. «Ленора, иди сюда, – звала она. – Иди, найди меня».

Ленора хотела крикнуть: «Папа!» – но во сне не смогла произнести ни звука. А вот наяву очень даже могла, сама того не подозревая. Она металась по кровати и кричала: «Папа! Папа!», но звук её голоса терялся в складках измятой простыни, обмотавшейся вокруг её ног.

Тут кто-то открыл дверь.

> Семья, которая в итоге его изловила, когда он уже объездил весь мир и своим изощрённым обманом обрёл и богатство, и счастье, – эта семья жила в доме неподалёку от леса.
>
> Они вздёрнули его, как разбойника, – самая

последняя казнь, так кончают разве что пираты да ведьмы. И близко не стоял он ни с теми, ни с другими, но его повесили на дереве в лесу, оставили тело висеть и ушли.

19 апреля 1947 г.

«Опять слышал зов его духа. Вчера ночью он оторвал меня от работы, должно быть, этот шёпот занёс в Замок сквозняк через какую-нибудь дверную щель. Я пошёл на его зов, поднялся наверх, и он был в её комнате. На этот раз удалось его увидеть: заметил, как в открытое окно ускользнула жемчужная нить. Мы же ей говорили, закрывай на ночь окно! Племянница не слушает, что ей говорят: возможно, не считает необходимым. А если она не верит в необходимость таких простых предосторожностей, то вскоре ей будет угрожать нечто более страшное, чем взрывы в Техас-Сити, потому что трагедия, что разыгрывается здесь с пропажей каждого нового ребёнка, повторяется из века в век.

Но брат заслуживает лучшего. Его дочь я не оставлю.

Успел к ней в комнату до того, как голос смог сделать своё чёрное дело. Захлопнул тут же окно, даже ненароком придавил его мерцающий вьющийся след. След обратился в ниточку пепла и осыпался на пол, а затем исчез на глазах.

Расскажи я хоть кому-нибудь о том, что видел, что знаю, что случалось со мной в лесу и что за зло в нём живёт, – никто мне не поверит. Иногда думаю: может, я и в самом деле, как они думают, сошёл с ума от горя

– оно ведь так и не утихло за все эти годы. Но всё, что я делаю, у всего есть цель. И она будет достигнута. Я практически закончил то, что необходимо мне для победы, то, что повергнет лес и зло, живущее в нём. (Не уверен, правда, что оно вообще живое.)

Однако, если власть его будет расти… Если оно завлечёт нового ребёнка, боюсь, я уже не смогу одолеть его. Значит, необходимо оградить Ленору от опасности любой ценой. Я просто обязан сделать всё, чтобы её это не коснулось, не затронуло, не втянуло. Иначе мы погибли. Не могу объяснить, откуда я это знаю, возможно, осознание этого просто передавалось из поколения в поколение. А может, этим знанием дышат камни Замкового особняка: ведь и другие из рода Коулов обнаруживали необъяснимую осведомлённость по поводу самых странных вещей. Видимо, у нас это в крови.

Когда выходил сегодня вечером из комнаты Леноры – просидел там несколько часов: всё следил, ждал, как бы серебристая гадюка не явилась снова, – открыл дверь напротив, которая в комнаты сына. Представил его спящим в кроватке. Кажется, едва не услышал его мерное дыхание.

Может, он и не вернётся никогда.

Но я должен как минимум попытаться».

Из «Дневника о проделанной научной работе» Ричарда Коула

Вопросы, сплошные вопросы

16

Когда Ленора встала и выглянула в коридор, дом был полон теней. Света в коридоре не было – ни один светильник,

если там и был хоть один, не горел. Надо будет сказать об этом миссис Джонс, подумала Ленора: темноту она ненавидела с самого детства из-за ужасов, которые в темноте живут – монстров там всяких и прочей нечисти. К тому же виденное стояло перед глазами. Та жуткая тень, похожая на папу. Ленора содрогнулась.

Будь с ней рядом Рори или знай она, что в комнате напротив спят Джон и Чарльз, темнота была бы уже не так страшна. Ленора посмотрела на бирюзовую дверь. Та стояла приоткрытая, и из щели пробивался слабый свет.

Это что-то новенькое. Вчера она была закрыта и даже заперта – так Ленора посчитала. Неужто там кто-то есть? Может, гости?

Встав на пороге своей комнаты, Ленора крепко вцепилась в косяк, вдохнула поглубже, напоследок высунула голову в темноту уходящего вдаль коридора – ещё разок проверить, что оттуда не ползёт никакая чёрная фигура вроде той из сна, – и метнулась к двери напротив. Достигнув цели, она остановилась. Миссис Джонс сказала тогда, что детей здесь больше нет. Тогда почему эта дверь открыта?

Ленору бросило в дрожь. А вдруг внутри та тень? Может, лучше и этого не знать?

Нет, лучше уж всё знать, решила она. Она распахнула дверь настежь – петли жутко заскрипели, внутри всё прямо ухнуло в пятки, – и ввалилась в комнату.

Никого.

Ленора огляделась. Почти такая же спальня, как у неё, только стены цвета утренней зари, а атласное покрывало – роскошного золотого. Но заметив кое-что впереди, Ленора просто не могла не пройти дальше. Внизу одной из стен, ближе к углу, было нарисовано дерево; его ветви, растущие из угла, заполняли собой всю стену и, извиваясь, залезали на потолок.

С его ветвей, то есть на самом деле с потолка, свисали деревянные качели.

Леноре никогда прежде не доводилось видеть качели прямо в доме. Ей не доводилось видеть комнату, которая могла бы вместить качели. Она подошла ближе и провела ладонью по гладкому деревянному сиденью. Обхватила рукой верёвку – суровые волокна слегка кольнули пальцы. Опустилась на прямоугольную деревяшку. Она просто не могла не сесть. Это же качели!

Только она не сразу плюхнулась всем своим весом. Усаживалась Ленора потихоньку: кто знает, вдруг эти качели не предназначены для того, чтобы на них по-настоящему качаться, а просто висят для интерьера. Разве можно доверять качелям, спускающимся с потолка? Но Ленора преодолела страх и оторвала ноги от пола. Верёвки выдержали. Чудеса.

Она махнула ногами – качели заскрежетали. Ленора тут же упёрлась носками в пол и замерла. Но долго так сидеть она не могла и как только отпустила ноги, качели двинулись и заскрежетали снова. На этот раз Ленора не стала их тормо-

зить. Высоко она не раскачивалась, но глаза закрыла. Плотные шторы на обоих окнах были раздвинуты и заткнуты за медные держатели на стенах, и сквозь окна свободно лился золотой утренний свет, который приятно грел лицо.

Как же здорово, когда у тебя прямо в комнате есть качели. Чья же это комната?

Ленора попыталась затормозить ступнёй об пол – вышло неловко, только чулки слезли. Раза три она упиралась ногами, пока наконец качели замедлили ход, и, дождавшись малой высоты, она спрыгнула. Правда, приземлилась мимо ковра и громко бухнула пятками о деревянный пол. Улыбнувшись своей неуклюжести, Ленора поймала качели и похлопала рукой по сиденью.

Затем ей захотелось осмотреть картинки на стенах, и она пошла в обход по периметру комнаты. В рамках висели рисунки разных птиц, притом очень хорошие. Ленора по очереди дотронулась до каждой картинки. Открыла один за другим ящики комода у кровати – внутри аккуратно сложенная одежда. Заглянула в платяной шкаф – на вешалках отглаженные брюки и жилеты; жилеты вроде того, что был вчера на её дяде, только поярче – алый, барвинковый голубой, оранжевый. От них исходил пыльный и затхлый запах, но на ощупь ткань была совсем мягкой.

Так значит, здесь жил мальчик. Где он теперь?

Ленора с опаской зашла в ванную, там тоже висели рисунки, только не птиц, а всяких диковинных животных и расте-

ний – таких Ленора никогда не видела, – и раскрашены они были необычайно скрупулёзно, видно было, что над ними возились долго и с большим усердием.

Конечно, Ленора понимала, что задерживаться в этой комнате не стоит: если миссис Джонс найдёт её здесь, ничего хорошего не выйдет. Например, запрёт опять комнату, и Ленора не сможет сюда вернуться.

А вернуться хотелось.

Так что Ленора встала наготове в дверном проёме и высунула голову в тёмный коридор. Внимательно всмотрелась в черноту, ища глазами тени. Бросила взгляд на винтовую лестницу. Теней было много, очень много.

Но она сможет.

Она бросилась бегом вниз по лестнице, отчаянно цепляясь за перила, на случай если ноги подведут и та тень из сна всё-таки догонит и схватит её. То, что тень из сна гналась за ней, было совершенно точно.

Где-то на середине спуска Ленора взобралась на перила верхом и съехала вниз.

17

Казалось, дом ещё спит. Везде стояла тишина, когда Ленора коснулась досок пола. Сердце нещадно колотилось, ды-

хание стало отрывистым и громким. Ленора взяла себя в руки и выпрямилась, на ней по-прежнему была ночнушка. Это что же, ещё раз собраться с духом и подняться по лестнице, а потом опять нырнуть в тёмный коридор?

Она с ужасом посмотрела вверх, на второй этаж. На этот раз пусть обратно её ведёт миссис Джонс. Или по крайней мере пусть сначала на этаже зажгут свет.

Здесь, внизу, было значительно светлее, чем там, в коридоре, и страхи Леноры потихоньку улеглись, пусть и не до конца. В целом особняк не казался ей светлым и радостным местом – напротив, каменный Замок был полон мрака и уныния. Так как же можно тут совсем не бояться?

Но раз уж рядом сейчас, кажется, никого, можно поосмотреться; и Ленора принялась заглядывать то там то сям, открывать двери в комнаты, которые вчера ей не показали. За одной оказалась гостиная с желтоватой, вероятно, когда-то белой, мебелью, накрытой чем-то вроде брезента. За другой – ещё одна обеденная зала, даже больше, чем та, где Ленора с дядей Ричардом вчера ужинали. Ленора встряхнула головой. Как так получилось, что папа ни разу их сюда не привозил? Они бы такие ужины могли здесь закатывать всей своей обширной семьёй.

Разве дядя Ричард такой уж плохой? Пока с уверенностью можно сказать только то, что он слегка с причудами, но ведь на это, пожалуй, стоит закрыть глаза.

Что такого могло произойти в этом доме, чтобы настолько

отвратить от него папу?

В очередной гостиной, чуть поменьше первой с желтоватой мебелью, Ленора хотела включить свет и дёрнула за цепочку на лампе, однако ничего не произошло. Тогда она подошла к окну и раздвинула тяжёлые шторы, чтобы получше разглядеть комнату. Помещение оказалось плотно обставлено бежевым гарнитуром. На одном из стульев, тоже бежевом, блестела золотая позолота – ни дать ни взять трон. Ленора села на него, и облако пыли взметнулось вверх и ударило в нос. Она закашлялась и вскочила.

Так много комнат простаивает зря. Жалко.

В следующей было совсем темно, куда темнее, чем во всех предыдущих. Ленора включила свет – один-единственный выключатель всё-таки сработал – и ахнула.

Перед ней была библиотека. Полки покрывали стены до самого потолка. Специальная лестница на колёсиках ждала в конце ряда, как будто кто-то только что закончил читать последнюю книгу во всей библиотеке, а может, только начал первую. Ленора обвела глазами потрясающий вид. Столько книг ей за всю жизнь не прочитать.

Джон бы здесь буквально поселился – да он бы просто забрал всю комнату себе в качестве спальни. От этой мысли опять проснулась прежняя боль где-то в животе.

Ленора решила, что это голод, не горе. Потому что Джон на самом деле жив. И он скоро приедет. Он увидит библиотеку и забудет про всё на свете.

Ленора подошла к окну и отдёрнула тяжёлые бархатные шторы, а чтобы не упали обратно, заткнула их за латунный шар-держалку, торчавший из стены. Мягкий и нежный утренний свет пролился в комнату. Мебель оказалась того же глубокого бордового цвета, что и шторы, а пол в центре комнаты покрывал тёмно-коричневый ковёр с витиеватым золотым тиснением. Ленора стала прогуливаться вдоль книжных шкафов, слегка проводя пальчиками по корешкам с незнакомыми заглавиями. Уже на середине своего обхода она вдруг наткнулась на книгу, название которой как будто что-то напоминало. Джон бы сразу её заметил.

«Происхождение видов». Его любимая книга, хотя папа с мамой воспитывали их в вере. Они говорили, что Дарвин скептически относился к Богу и всему духовному. И они не хотели, чтобы это передалось Джону. Это воспоминание заставило Ленору улыбнуться: из них четверых Джон был самый набожный. Каждым воскресным утром он нетерпеливо заталкивал всех в машину, чтобы ехать в церковь, а дома после службы целый час играл на пианино весёлые гимны – казалось бы, парадокс. Но только не у них в семье. Сам он называл это «Минутка веры с неподражаемым Джоном Коулом».

Какой сегодня день? Неужели воскресенье уже прошло?

Пианино Ленора в Замке пока нигде не видела. Но уж, конечно, в таком приличном особняке должно быть нормальное фортепьяно, может быть, даже рояль. Тогда ей будет чем

заняться. Раньше она просто ненавидела заниматься на пианино, но сейчас сама сядет – добровольно и без нытья, хотя дома без этого не обходилось. К тому времени, как за ней приедут родители, она уже будет знать больше песен, чем Рори – а ведь та настоящий музыкант.

Ленора пробежала пальцами в воздухе по невидимым клавишам. Закрыла глаза и откинула голову назад.

– Я смотрю, ты отыскала библиотеку.

Ленора подскочила на месте и выпучила глаза на вошедшего. В проходе стоял дядя Ричард. С того момента, как Ленора ступила на порог Замкового особняка, это были первые слова, с которыми он обратился к ней напрямую.

– Да, она просто… – Ленора помедлила. – Великолепная.

Дядины губы шевельнулись, и на секунду Леноре показалось, что он улыбнётся. Но он только сухо произнёс:

– Пользуйся.

Он уже собирался повернуться и уйти, как Ленора окликнула его.

– Дядя Ричард?

Прежде чем обернуться, он немного постоял, глядя в пол. Затем выпрямился, поднял подбородок. Посмотрел Леноре прямо в глаза, отвёл взгляд в сторону, снова посмотрел на Ленору и наконец уставился в окно. Леноре сразу захотелось оглянуться и узнать, что же так привлекло его внимание там за окном, но она собралась с мыслями и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.